Борис Смирнов

КГБ

КАКИМ Я ЗНАЛ ЕГО ИЗНУТРИ

Некоторые штрихи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги «КГБ, каким я знал его изнутри. Некоторые штрихи» почти 28 лет находился на службе в Комитете госбезопасности СССР. Учился в Высшей школе КГБ у разведчика-нелегала Исхака Ахмерова — наставника аса советской разведки Рудольфа Абеля перед выездом его на работу в США. Во период службы в органах безопасности автор занимался разведкой и контрразведкой против спецслужб ряда стран Запада. Владеет иностранными языками. В конце службы обучался аналитическому делу. В числе его учителей в этом вопросе был главный аналитик КГБ генерал Пипия Георгий Владимирович, известный тем, что по личному поручению Андропова консультировал режиссера Лиознову при съемках популярнейшего художественного фильма «Семнадцать мгновений весны». В книге автор рассказывает о работе своей и коллег, о выдающихся советских разведчиках, делится воспоминаниями об уникальных учителях Высшей школы, о знаменитостях, которых видел, слышал, а с отдельными и беседовал.

- Борис Иванович Смирнов
  - ○
  - ○ Об авторе и книге
  - ○ Вместо предисловия
  - ○ Часть 1
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
  - ○ Часть 2
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
  - ○ Часть 3
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4

- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Заключение

Борис Иванович Смирнов
КГБ, каким я знал его изнутри. Некоторые штрихи

Текст книги представлен в авторской редакции. Редакция не несёт ответственности за содержание авторских материалов и не предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов, данных, результатов и другой информации.

Об авторе и книге

Автор книги «КГБ, каким я знал его изнутри. Некоторые штрихи» почти 28 лет находился на службе в Комитете госбезопасности СССР. Учился в Высшей школе КГБ у разведчика-нелегала Исхака Ахмерова — наставника аса советской разведки Рудольфа Абеля перед выездом его на работу в США. Во период службы в органах безопасности автор занимался разведкой и контрразведкой против спецслужб ряда стран Запада. Владеет иностранными языками. В конце службы обучался аналитическому делу. В числе его учителей в этом вопросе был главный аналитик КГБ генерал Пипия Георгий Владимирович, известный тем, что по личному поручению Андропова консультировал режиссера Лиознову при съемках популярнейшего художественного фильма «Семнадцать мгновений весны». В книге автор рассказывает о работе своей и коллег, о выдающихся советских разведчиках, делится воспоминаниями об уникальных учителях Высшей школы, о знаменитостях, которых видел, слышал, а с отдельными и беседовал.

Вместо предисловия
Улыбка Гагарина! Москва. Красная площадь

12 апреля 1961 года был будничный день. У нас в Высшей школе КГБ шли занятия по английскому языку. В одном из перерывов кто-то из слушателей выскочил в коридор и возбужденно крикнул: «Ребята! Майора в космос запустили!» Для нас тогда существовал один «майор» — это начальник курса майор Федоров. Тут же нашелся шутник и начал кричать: «Федорова запустили! Федорова в космос запустили!» Но шутка просуществовала минуту-две. Затем все начали всерьез расспрашивать друг друга, кто чего знает о запуске. Вскоре

фамилия Гагарина заполнила умы всех.

Где-то к вечеру над нашим общежитием, расположенным в 150 метрах от Шуховской телевизионной башни, пролетел легкий самолет, с которого посыпались листовки с фотографией Юрия Алексеевича Гагарина. Он был изображен в форме военного летчика, в звании старшего лейтенанта. Фото сопровождалось сообщением о запуске впервые в мире человека в космос. Подчеркивалось, что это гражданин Союза Советских Социалистических Республик. Несколько последующих дней люди говорили в первую очередь только о космосе, только о Гагарине. С первого дня ждали появления его на публике.

Это произошло ровно через день. 14 апреля на Красной площади Москвы Правительством СССР была организована грандиозная встреча Юрия Гагарина. Слушателям Высшей школы повезло. Их всех привлекли к охранным мероприятиям, к обеспечению безопасности и порядка на этом всенародном торжестве. Нас доставили на площадь на автобусах заблаговременно. Доступ на гостевые трибуны по правую и левую стороны от мавзолея осуществлялся через КПП около Исторического музея и Храма Василия Блаженного, а трудящиеся заходили на площадь организованными колоннами. Нас выставили в первую линейку перед гостевой трибуной, находившейся со стороны Спасской башни Кремля. Мы стояли примерно в 30 метрах от мавзолея.

Трудящиеся и приглашенные на гостевые трибуны прибыли на торжество тоже заранее и довольно долго ждали Гагарина. Наша работа практически не доставляла нам никаких хлопот. Народ в те времена был более сдержанным. Желающих побывать на подобных торжествах на Красной площади всегда было много, тем более на это воистину историческое событие. Тем не менее все-таки нашелся товарищ, который решил нарушить установленный порядок. И это случилось как раз на нашем участке.

Расскажу об этом более подробно. Площадь уже была полна народу. Гостевые трибуны за нашей спиной заполнились гостями тоже. И вдруг перед нами из колонны трудящихся вышел узнаваемый человек. Это был известнейший в СССР и в мире журналист Юрий Жуков. Он регулярно появлялся на экранах советских телевизоров. Его по телевизионной картинке знал каждый образованный человек. Уточню: на тот период Жуков являлся политическим обозревателем газеты "Правда". Он был Лауреатом Ленинской премии (1960 г.) и с 1956 года членом влиятельной Центральной Ревизионной Комиссии ЦК КПСС, то есть той комиссии, которая, вообще-то, и за порядком в партии

смотрела.

Юрий Жуков, крупный, крепкий, с суровым взглядом, подошел к участку линейки, где стояли плечом к плечу молоденькие, в основном, низкорослые и худощавые мои товарищи и я. Он попросил пропустить его через наш плотный строй, чтобы попасть на трибуну. Вообще, он не должен был здесь появиться. Его появление говорило о том, что все предыдущие линейки от ГУМа до нас, состоявшие из дружинников, бригадмильцев, других активистов и сотрудников милиции, в нарушение порядка пропустили его. Проход же мог быть только через два вышеупомянутых КПП. Мы ему объяснили, причем сделали это очень тактично и вежливо.

Тогда уважаемый журналист вынул из кармана красную книжку и самодовольно сказал, что работает в ЦК КПСС и в "Правде". Ему снова объяснили, что мы его отлично знаем, но порядок есть порядок, равный для всех (именно об этом нам сказали на строгом инструктаже). По линейке мы сообщили начальнику о происшествии. Пришел полковник и вежливо еще раз разъяснил правила, спущенные сверху из ЦК КПСС, и вместе с Жуковым, не нарушая линейки, пошел к Спасской башне Кремля к КПП. Порядок был восстановлен.

Спустя некоторое время послышался мощный гул авиационной техники. Со стороны ГУМа на довольно низкой высоте четко по линии ГУМ-мавзолей-Кремль быстро пролетел огромный ИЛ-18 с Гагариным на борту в сопровождении семи истребителей! Все поняли это, хотя не имели предварительной информации. Послышались стихийные крики "Ура!", овации. Ликование продолжалось несколько минут. Самолет, как известно, приземлился во Внуково, где Гагарина приветствовали Хрущев, Брежнев и другие руководители.

Из Внуково Гагарин и Хрущев в открытом лимузине, а другие лица в обычных машинах, направились в Москву, где их по пути следования приветствовали на улицах тысячи москвичей. Затем они прибыли на Красную площадь, которая утомилась в ожидании Гагарина. Появление его на мавзолее Ленина и Сталина снова вызвало овации и крики "Ура!". Прежде чем выступить с речами, Хрущев за руку провел Гагарина в правую часть трибуны мавзолея, чтобы поприветствовать гостей со стороны Исторического музея, а затем к тем, кто сидел на гостевых трибунах со стороны Спасской башни. Мы, конечно, тоже внимательно наблюдали за этим.

Гагарин и Хрущев подняли руки вверх, приветствуя собравшихся, смотрели на гостей и в нашу сторону. Они были так близко, что удалось рассмотреть лицо Юрия Алексеевича,

молодого и симпатичного, его эмоции, а, главное, знаменитую гагаринскую улыбку!!! Это, конечно, незабываемо! Затем они вернулись к остальным руководителям страны. Гагарин был в центре. По левую его руку стоял Хрущев, по правую — Ворошилов.

Были произнесены торжественные речи, обращенные к трудящимся, собравшимся на площади. Хрущев отметил важность события, подчеркнув его историческое значение. Гагарин поблагодарил народ за торжественную встречу, немного рассказал о полете в космос и своих первых впечатлениях. Собравшиеся неоднократно прерывали выступление аплодисментами и возгласами "Ура, Гагарину!" Все, конечно, были искренни в выражении своих чувств. Такое бывает раз в тысячу лет и не забывается. Помню об этом и я.

Часть 1
Мои друзья, учителя, наставники

Глава 1
Президент в ярости… Врезать им по полной!

21 мая 1978 года в американской газете «Нью Йорк Таймс» появилось сенсационное сообщение об аресте агентами ФБР в штате Нью-Джерси двух советских разведчиков Вальдика Энгера и Рудольфа Черняева, работавших под «крышей» сотрудников советского представительства в секретариате Организации Объединенных Наций. Примечательна была чрезвычайно болезненная реакция на это событие со стороны президента США Картера. Вот что пишет о ней в книге «Записки начальника нелегальной разведки» генерал Ю.И.Дроздов: «Ознакомившись с характером работы советских разведчиков, которые добывали ценнейшую информацию военного характера, президент Джимми Картер рекомендовал окружному прокурору „врезать“ им по полной программе, что и было сделано. Оба получили по пятьдесят лет (!) тюремного заключения…»

Вальдик Энгер — мой друг. Мы познакомились в 1960 году, когда еще были абитуриентами для поступления в Высшую школу КГБ. Он приехал из Таллина с еще одним эстонцем. Просил

называть его Владимир. Нас поселили в одну комнату в ощежитии. Потом к нам добавилось несколько человек. Из нашей комнаты экзаменационный конкурс преодолели только трое ребят. Меня и Володю судьба и дальше не разлучала. Попали в одну подгруппу изучать английский язык. Подгруппа состояла всего из пяти человек. Все годы учебы, пять лет, мы сидели за одним письменным столом, помогая друг другу. Язык нам преподавали прекрасные учителя. В их числе выдающийся разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров. Он передал нам уникальные знания по Америке, которые позже очень пригодились и Володе, и мне.

Где-то в середине учебы Володя женился на прекрасной блондинке. Аля преподавала в нашем вузе другим слушателям немецкий язык. Володя после женитьбы переехал из общежития на съемную квартиру на окраине Москвы, где я тоже бывал. Но во время занятий мы всегда находились вместе. В 1967 году я сам женился, и будучи проездом в Москве, познакомил с моей Людмилой Алю и Володю. Они нам преподнесли подарок по случаю только что состоявшейся свадьбы. Встречались у нашего общего друга Игоря. Володя был хорошим парнем, высоким, стройным, красивым. Привлекал к себе других как прекрасный рассказчик и собеседник. Много историй рассказывал об армии, где он служил водителем автомобиля в течение трех лет. Отлично, как и я, выучил английский язык, обладая звучным голосом. О его аресте в Штатах я узнал из передачи радио "Голос Америки" и был долгое время, как и другие наши товарищи, в шоке от этого сообщения. Представляю, как все это он пережил сам, а особенно Аля, которая находилась вместе с ним в Нью-Йорке.

Владимир Энгер и его коллеги добыли важнейшие документы, касающиеся одного из глубоко засекреченных проектов Военно-морских сил Соединенных Штатов Америки в области подводного вооружения. Генерал Дроздов, начальник разведчиков, в упомянутой книге утверждает: "Они, конечно, сработали профессионально, не совершив ни одной ошибки, что для американцев стало полным разочарованием. Когда же Черняев и Энгер оказались в тюрьме, то им было сказано: чувствуйте себя спокойно. Им дали еще одно задание — выяснить, как функционируют американские тюрьмы и можно ли там завербовать внутреннюю агентуру. И я могу сказать, что они хорошо справились и с этим заданием". По убеждению Дроздова, наших разведчиков выдал американцам изменник Родины Аркадий Шевченко, в 1973–1978 годах занимавший пост заместителя Генерального секретаря ООН по политическим

вопросам и делам Совета Безопасности ООН. В 1978 году Шевченко перешел на Запад.

Юрий Иванович Дроздов, руководивший в то время резидентурой советской разведки в США, пишет, что с самого начала наши разведчики допускали, что офицер ВМС Линдберг, поставлявший нам информацию, мог быть так называемой "подставой" ФБР. Поэтому они вынуждали его передать как можно больше сведений, которые представляют для нас интерес, а не тех, которые он предлагал сам. С успехом решалась и задача перепроверки документальной информации других источников.

Но та ярость, с какой президент США Картер хотел упрятать в тюрьму наших отважных разведчиков, а также участие в их задержании более 100 сотрудников с неподвижными постами, автотранспортом и малой авиацией, ставит все-таки под сомнение версию о "подставе". А именно ее с самого начала навязывало общественности и само ФБР. Американцы, видимо, просто проморгали утечку в Советский Союз особо охраняемой информации по своим Вооруженным силам и выдумали такую версию в свое оправдание. Они даже не смогли взять наших разведчиков с поличным. Какая же тут "подстава"?! Об этом же говорит и то, что переговоры об обмене, который произошел почти год спустя, шли очень трудно. С американской стороны в них участвовал даже помощник президента США Збигнев Бжезинский, известный своей враждебностью по отношению к СССР. Окончательное решение было принято на высшем уровне Картером и Брежневым.

Энгера и Черняева обменяли в аэропорту Кеннеди на группу "диссидентов" — Дымшица, Гинзбурга, Винса, Мороза, Кузнецова. В их числе были лица, пытавшиеся вероломно угнать самолет за рубеж в целях бегства в Израиль. Рассказывая об обмене, Юрий Иванович Дроздов подметил: "В день обмена задержанных на отпущенных угонщиков нашего авиалайнера дежуривший в аэропорту сотрудник ФБР бросил: "Кого отдаем?! Таких ребят меняем на подонков…"". Владимир Энгер за операцию в Нью-Джерси был награжден знаком "Почетный сотрудник госбезопасности". Свой рассказ хотел бы закончить словами из песни, прозвучавшией в 1941 году в прекрасном фильме "Свинарка и пастух":

"И в какой стороне я не буду,
По какой не пройду я траве,
Друга я никогда не забуду,
Если с ним подружился в Москве…

(Музыка Т.Хренникова, слова В.Гусева)

Я помню Владимира и Алю, помню других наших ребят — Игоря и Лиду, Женечку, Сергея, Вячеслава и Свету, Валентина и Аллу, Станислава и Люсю, других, с которыми подружился в Москве! Пусть они будут счастливы!

Глава 2
Высшая школа Комитета госбезопасности СССР

В этой главе расскажу о том, как мне в первой половине шестидесятых годов минувшего столетия посчастливилось поступить учиться в Высшую школу КГБ, то есть в высшее учебное заведение Комитета государственной безопасности СССР (КГБ создан 13 марта 1954 года, ликвидирован — 3 декабря 1991 года). Факультет, на котором я учился, готовил офицеров для разведки и контрразведки, способных хорошо владеть искусством оперативной работы, глубоко разбираться в сложных юридических вопросах, включая международное право, свободно разговаривать на иностранном языке и всесторонне знать страну, где этот язык являлся государственным.

На других факультетах готовили военных контрразведчиков и руководящий состав погранвойск. Подчеркну особо: со дня образования в 1954 году и в последующие три десятка лет вплоть до так называемой "перестройки" деятельность Комитета госбезопасности была весьма плодотворной и направлялась, главным образом, вовне СССР, то есть против внешних угроз. Обстановка внутри страны была в целом спокойная, стабильная, народ был занят продуктивным, созидательным трудом.

В числе первостепенных задач, поставленных перед КГБ, значились: разведывательная деятельность в капиталистических странах; борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведывательных органов, зарубежных антисоветских центров и с их агентурой

внутри страны; охрана государственных границ Союза ССР. На выполнении этих задач и были сосредоточены основные оперативные силы и средства. Естественно, в те годы возникла большая потребность в специалистах именно с указанным выше перечнем знаний. Эти знания слушатели получали на нашем факультете от прекрасных преподавателей Высшей школы, настоящих профессионалов, замечательных людей.

Конечно, осуществлялась в стране борьба и с антисоветскими действиями преступного характера отдельных граждан. Эту работу на основе строгого соблюдения советских законов организовывало Пятое управление КГБ и его подразделения на местах, оперативный состав которых составлял лишь 4 % от общего числа оперативников КГБ СССР. Небольшого количества сотрудников вполне хватало для решения возникавших вопросов. КГБ СССР — это прежде всего внешняя разведка, территориальная и военная контрразведка, славные пограничные войска.

Мне было восемнадцать лет, когда в августе 1960 года я поступил на учебу в Высшую школу. Хотя за несколько лет до этого, казалось бы, твёрдо определился со своим будущим — решил связать жизнь с авиацией. Для реализации своей мечты самостоятельно сделал много шагов и в 1960 году уже во второй раз активно готовился к экзаменам в не менее интересный, чем Высшая школа КГБ, вуз — в Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе. Первая попытка годом ранее была неудачная, и я, поступив работать слесарем на большой завод в маленьком провинциальном городе, упорно без репетитора в свободное время штудировал учебную литературу, в том числе популярные тогда “Занимательную алгебру” и “Занимательную физику” Якова Перельмана. Но в разгаре моей подготовки к поступлению в МАИ меня пригласили в местное управление КГБ.

Меня приятно поразили чистота и порядок в УКГБ, отсутствие всякой суеты и шумных разговоров, исключительная интеллигентность, доброжелательность и вежливость сотрудников. В ходе беседы работник отдела кадров Алексей предложил мне послужить в органах государственной безопасности. Алексей знал, что я продвинутый юноша, окончил среднюю школу с твёрдыми знаниями, добросовестно трудился на заводе, спортивен, с добрым нравом и, главное, наряду с авиацией был увлечён английским языком, даже выписывал газету "Moscow news", проживая в городе, в котором иностранцев в те годы никто не видывал. Он мне сказал, что я мог бы поучиться языкам в Москве в Высшей школе КГБ, предварительно преодолев конкурсные экзамены. Спасибо учителям средней школы, которые возбудили во мне интерес к иностранным

языкам!

Следует отметить, что я довольно быстро принял предложение Алексея. Причиной тому явилось одно важное обстоятельство. Наш разговор происходил в мае 1960 года. А как хорошо известно, 1 мая того года в день большого советского праздника американский лётчик-шпион Гарри Пауэрс предпринял циничную попытку осуществить разведывательный полёт над территорией СССР. Но завершить его он не смог. Самолёт был сбит под Свердловском. Полёт лишний раз подтвердил, что спецслужбы иностранных государств реально и масштабно занимались шпионажем против моей Родины. Мне захотелось принять участие в противодействии этому.

Алексей предупредил, что из четырёх вступительных экзаменов в Высшую школу наиболее трудным для меня может оказаться экзамен по иностранному языку, так как, по его предположению, придётся соперничать с моими ровесниками — детьми высоких чиновников, работавших за границей. По мнению Алексея, у таких ребят могла быть хорошая языковая практика. С учётом этого я всё оставшееся до экзаменов время уделил языку, тщательному прослушиванию английской речи по радио “Голос Америки” и Би-Би-Си, скрупулёзному чтению английских книг и газеты “Московские новости” на английском языке.

Но приехав в Москву, я детей чиновников — обладателей громких фамилий, а также крупных знатоков английского или какого-то иного языка в числе абитуриентов не обнаружил. Поступали обычные ребята. Поэтому я сразу успокоился. К тому же учитель Ольга Сергеевна Симонова, отличный специалист, которая возглавляла комиссию на экзамене, ещё во время консультации выделила меня как юношу, обладавшего крепкими знаниями. А на экзамене она не предоставила мне даже положенных двадцати-тридцати минут на подготовку по билету, попросила отвечать сразу, поставила твёрдую пятёрку и быстро вежливо выдворила из аудитории, сказав шутливо: “Чтобы другим не подсказывал!” Видел бы и слышал всё это работник отдела кадров УКГБ Алексей!

По окончании экзаменов приёмная комиссия пригласила в зал заседаний поочерёдно каждого поступившего. Там её члены расспрашивали новоиспеченного слушателя школы о его увлечениях, интересах, о приобретённых навыках в каких-либо делах. После этого принималось решение, какой иностранный язык будет изучать слушатель Высшей школы. Я рассказал комиссии, что занимался в Доме пионеров акробатикой, гимнастикой и авиамоделизмом. В старших классах свои увлечения реализовывал в клубах ДОСААФ. Так, в радиоклубе

работал на радиостанции. В стрелковом клубе научился метко стрелять. Кроме того, пройдя вместе с двумя одноклассниками теоретический курс в аэроклубе, совершил самостоятельно несколько захватывающих дух полётов на учебном планере на местном аэродроме. Среди увлечений я также назвал изучение английского языка, рыбную ловлю со спиннингом и активную езду на велосипеде по территории области.

Хочу отметить, что все мои увлечения были связаны с атмосферой, которая царила в коллективе детей нашего большого двора и класса. Все чем-то интересным занимались и вовлекали в это других. Ни в одном моём увлечении не было инициативы родителей. Они просто радовались, что я занимался полезным делом. Кстати, мои два брата Вячеслав и Владимир, глядя на меня, тоже увлеклись авиацией и стали профессиональными летчиками.

Члены комиссии по ходу моего рассказа задали ряд уточняющих вопросов, в частности, какие слесарные работы на заводе я выполнял, а начальник школы в заключение сказал: “Всё ясно. Других вопросов быть не может. А так как блондин, то пусть у нас учит английский язык!” Всё это им было сказано весело и уверенно.

Из восьми десятков слушателей, составлявших наш курс и представлявших многие города России и почти все союзные республики, восемнадцатилетних оказалось только двое. Остальные ребята были старше. В большинстве они отслужили по три года в Советской армии, то есть им было по двадцать два — двадцать три года и более. Нескольким слушателям было по девятнадцать — двадцать лет. Через некоторое время из числа восемнадцатилетних остался я один, так как мой одногодок не смог осилить напряженную, но очень интересную учебную программу.

Но недолго и я радовался. Где-то в ноябре меня пригласили в учебную часть школы и сказали, что приняли меня на учебу ПО ОШИБКЕ. Надо было принимать только тех ребят, которым на период поступления было уже 19 лет и которые могли принимать воинскую присягу. В то время призывной возраст для срочной службы в армии был 19 лет. Мне объявили, что я должен покинуть школу. На это я сказал, что получается, приглашением в ВШ КГБ мне разбили все мои жизненные планы, в частности, поступление в авиационный институт. Офицер ответил, что решение о моем отчислении еще не окончательное, но он все-таки был обязан меня предупредить. Месяц спустя меня обрадовали — можешь спокойно продолжать учебу. Вот так. Не все было гладко.

Получить признание в коллективе, когда все старше тебя, непросто. Мне помогло решить эту проблему то, что к началу учёбы в Высшей школе я уже неплохо разбирался в английском языке и умел стрелять из пистолета лучше многих ребят, прошедших службу в армии. У меня был опыт стрельбы даже из экзотической трёхлинейной винтовки Мосина образца 1891 года. Эти навыки я приобрёл в стрелковом клубе ДОСААФ, который с большим желанием посещал, как отмечалось, будучи ещё школьником. Поэтому на первых же занятиях по огневой подготовке в стрельбе из незнакомого мне пистолета Макарова все мои пули кучно пробивали мишень ближе к её центру к большому удивлению моих старших товарищей и особенно преподавателя майора Фёдора Степановича Быстрякова.

Фёдор Степанович, талантливейший педагог, виртуозно владевший многими типами оружия, остроумный рассказчик, ветеран Великой Отечественной войны (тогда ему было на вид не более сорока лет), отнёсся ко мне по-отечески, всегда подбадривал меня, ставил в пример тем, кто не спешил приобретать необходимые навыки в стрельбе. Фёдор Степанович хорошо меня запомнил. Когда он уже работал на созданных в 1969 году при ВШ КГБ курсах КУОС (подготовка командиров групп спецназа КГБ), а я служил в одном из отделов КГБ, я получил от него привет через работника нашего отдела, обучавшегося на курсах. Я ему ответил тем же способом. И это было несколько раз, так как курсы прошли несколько наших сотрудников.

Многие выпускники курсов КУОС участвовали, начиная со знаменитого штурма дворца “Тадж-Бек” в Кабуле, в серьёзных операциях за рубежом в составе спецотрядов “Зенит” и “Каскад”, а также прославленной группы специального назначения КГБ СССР “Вымпел”. И роль Фёдора Степановича Быстрякова и многих других преподавателей в подготовке кадров для этих подразделений спецназа огромна.

Вообще, в головном вузе КГБ СССР работало много уникальных преподавателей. Среди них Лидия Артемьевна Моджорян, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Она вела преподавательскую деятельность не только в Высшей школе КГБ на кафедре международного права, но и в МГИМО и в Дипломатической академии МИД СССР. В число ее научных работ входят монографии и книги: "Правовое положение дипломатического корпуса", "Геополитика на службе военных авантюр" и многие другие.

Запомнился и другой преподаватель той же кафедры — Ганюшкин Борис Владимирович, тоже доктор юридических наук,

профессор, Заслуженный деятель науки РФ. Опубликовал монографии "Нейтралитет и неприсоединение", "Дипломатическое право международных организаций" и некоторые другие. Оба профессора обладали феноменальной эрудицией и имели огромный авторитет у слушателей. Поэтому мне было особенно приятно услышать в свой адрес высшую оценку из их уст на госэкзамене по дисциплине "Международное право". Отмечу — изучению этого предмета в Высшей школе КГБ придавалось особое значение, так как с 1954 года главные усилия в деятельности КГБ, как я уже подчеркивал, были обращены против внешних угроз. Хорошие знания по международному праву были обязательны для всех работников госбезопасности.

Конечно, нельзя забыть такого преподавателя как Исхак Абдулович Ахмеров. Это выдающийся разведчик-нелегал, который в предвоенные и военные годы сыграл исключительную роль в обеспечении высшего советского руководства информацией стратегического характера. Огромен вклад Ахмерова в разведывательную операцию "Снег", санкционированную Сталиным, в результате проведения которой были созданы дополнительные благоприятные условия для разгрома гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне.

В этом же ряду блистательных педагогов ВШ КГБ замечательный организатор обучения греческому языку в Советском Союзе Марина Львовна Рытова. Она была прекрасным переводчиком английского и греческого языков, услугами которой пользовались первые лица государства Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин. Кроме того Марина Львовна проявила себя как активный общественный деятель, много сделавший для развития связей СССР (а затем России) с Грецией и Кипром.

О.С.Симоновой, И.А.Ахмерову, М.Л.Рытовой посвящены отдельные главы книги.

Глава 3
Абрамцево, Кремль и другая культурная программа

В Высшей школе КГБ, в которой я учился, была разработана и системно осуществлялась так называемая большая «культурная программа». Много у нас проводилось экскурсий — на предприятия, в различные музеи, художественные галлереи, на всякого рода выставки. Были на автомобильном заводе «Москвич», побывали и в Кремле с посещением кабинета В.И.Ленина и его кремлевской квартиры, посетили там Георгиевский зал, Грановитую и Оружейную палаты, здание Верховного Совета СССР, познакомились и с опочивальней русских царей, были в мавзолее Ленина и Сталина. Выезжали даже в Звездный городок, где жили и работали космонавты.

Но одной из первых, наиболее значимых, по моему мнению, экскурсий было все-таки посещение усадьбы-музея Абрамцево, находившейся намного дальше перечисленных мест, в Сергиево-Посадском районе Московской области (60 километров от Москвы). Но заряд эмоций, объем новых знаний от этой поездки я получил огромный, и она запомнилась мне на всю жизнь.

Поехали мы туда на нескольких автобусах, студенческого народу было много, доехали достаточно быстро, автомобильных пробок в 1960 году не наблюдалось. Нас было так много, что мы

буквально оккупировали усадьбу. До поездки я об этом музейном комплексе, к своему стыду, ничего не знал, хотя москвичи говорили, что это очень интересное место. На самом деле, это не просто интересное место. Это уникальнейшее место в истории культуры России, а позже и Советского Союза. Казалось бы, советских граждан, тем более будущих чекистов, везут в усадьбу помещика Сергея Тимофеевича Аксакова, впоследствии купленную крупным капиталистом, владельцем железных дорог Саввой Ивановичем Мамонтовым. Но все дело в том, что это были за люди! О них-то и рассказали нам прекрасные экскурсоводы музея-усадьбы, где мы провели несколько полезных часов, включая удивительную прогулку по обширной территории поместья в нормальный осенний недождливый день.

Сергей Тимофеевич Аксаков приобрел небогатое поместье Абрамцево в 1843 году. В русскую литературу он вошел как отличный мемуарист. Его перу принадлежат такие произведения, как "Семейная хроника" и "Детские годы Багрова-внука", в которых реалистически описан помещичьий быт конца 18-го века. Примечательно, что в качестве приложения ко второй книге была опубликована его знаменитая сказка "Аленький цветочек", которая позже издавалась как самостоятельное произведение. Аксаков был прекрасным пейзажистом, знатоком жизни природы. Он автор знаменитого очерка "Буран". Он написал "Записки ружейного охотника", которые получили похвалу со стороны самого Гоголя, а также Тургенева и Чернышевского.

Московский дом Аксаковых, а впоследствии и поместье Абрамцево, стали одним из центров общественной и культурной жизни России девятнадцатого века. За время учебы в Казанском университете, службы в Санкт-Петербурге и Москве Сергей Тимофеевич, увлеченный театром и писательским делом, установил дружеские связи со многими талантливыми людьми. Его усадьбу в Абрамцево посещали Гоголь (автор бессмертных произведений "Ревизор", "Мертвые души" и др.), Тургенев ("Отцы и дети", "Записки охотника"), Тютчев ("Умом Россию не понять…"), Хомяков ("Ермак", "Дмитрий Самозванец"), историки Грановский и Погодин, актеры Щепкин (роли — Фамусов в "Горе от ума", Городничий в "Ревизоре") и Мочалов (Чацкий в "Горе от ума", Алеко в пушкинских "Цыгане"). Сергей Тимофеевич, его жена Ольга Семеновна, сыновья Константин и Иван, дочь Вера были очень гостеприимны, доброжелательны, что создавало благоприятный климат для дружеских бесед. Учитывая, что дети Аксакова, да и сам он, активно разделяли философию славянофильства, можно констатировать, что в их доме не в последнюю очередь зарождалось и развивалось движение

славянофилов.

Николай Васильевич Гоголь был одним из самых частых гостей Сергея Тимофеевича. Он подолгу задерживался в доме. Экскурсовод показал отдельную комнату, которая предоставлялась великому писателю. Он здесь работал над своим знаменитым произведением "Мертвые души", знакомил Аксакова с еще незаконченными отрывками. И вот мы, переходя из одного музейного зала в другой, мыслями были вместе с Аксаковым, Гоголем, Тургеневым, Тютчевым и другими корифеями литературы и искусства прошлого. И это все благодаря тому, что это прекрасное местечко русской культуры было сохранено в Советском Союзе. Сплошная наглядная хрестоматия советской средней школы!

К сожалению, в 1859 году Сергей Тимофеевич Аксаков умер. Десятилетие спустя дочь Аксакова продала имение уже упомянутому мной крупному промышленнику и меценату Савве Ивановичу Мамонтову. Это был тоже удивительно одаренный человек. Он страстно любил искусство, очень увлекался скульптурой, творчеством художников, имел отличный певческий голос. Естественно, добрые традиции, заложенные Аксаковым в Абрамцево, продолжались несколько десятилетий и при Савве Ивановиче. Вокруг него объединились большие талантливые художники и другие творческие личности. Экскурсовод подробно рассказала о каждом. Среди них известнейшие русские художники Репин, Васнецов, Поленов, Серов, Суриков, Коровин, Нестеров, Остроухов. В Абрамцево много рисовали, открывали красоту среднерусской природы, ставили домашние спектакли.

К примеру, Илья Ефимович Репин с семьей в течение шести лет месяцами гостил у Мамонтовых в Абрамцево. Именно здесь он написал картину "Летний пейзаж", изображающую Веру Алексеевну Репину, жену художника, на мостике среди густой зелени заросшего абрамцевского парка. Мы тоже погуляли по парку и сфотографировались на этом прославленном Репиным мостике. Правда, мостик в нашу пору был уже несколько иной, а сейчас снова модернизированный, подремонтированный. Как рассказал экскурсовод, Репин в Абрамцево начал работу над своими большими полотнами — выполнил этюды к многофигурной картине "Крестный ход в Курской губернии", создал эскиз картины "Запорожцы пишут письмо турецкому султану". Другие художники тоже создавали здесь свои шедевры: Васнецов — "Аленушка" и "Богатыри", Серов — "Девушка с персиками", Нестеров — "Видение отроку Варфоломею". Церковь Спаса Нерукотворного на территории усадьбы построена по проекту Васнецова и Поленова.

После Великой Октябрьской социалистической революции усадьба Абрамцево была национализирована и превращена в музей. Дочери известного русского мецената, истинного патриота своего Отечества, Саввы Ивановича Мамонтова Анне Саввичне была выдана Охранная грамота Народного комиссариата просвещения социалистического государства. Традиции мамонтовского содружества художников были продолжены. Рядом с усадьбой-музеем был построен Ново-Абрамцевский поселок, где трудились талантливые художники Грабарь, Шмаринов, Кончаловский, Горяев, Машков, Иогансон, Фальк, скульпторы Мухина, Королев и многие другие.

Побывав в Абрамцево в осенний день 1960 года, мы получили хорошую эстетическую подпитку, новую дозу знаний об общественной жизни творческих людей девятнадцатого века и сверили их представления о жизни со своими собственными. Эти представления оказались весьма сходными. Да и не могло быть иначе. Ведь на примерах жизни и деятельности этих замечательных людей с самого прихода в нашу страну советской власти воспитывалось молодое поколение и вся страна в целом.

А сколько замечательных встреч было организовано с людьми, с которых можно брать пример!!! Некоторым из них посвящены отдельные главы моей книги. Были у нас и первые космонавты планеты Юрий Гагарин и Герман Титов, проведя с нами при переполненном зале по часу-полтора. Довелось видеть и слышать в стенах чекистского учебного заведения настоящих людей. Это знаменитый летчик, Герой Советского Союза Алексей Маресьев, образ которого был взят писателем Борисом Полевым при создании книги "Повесть о настоящем человеке". Это и разведчики Василий Зарубин и Конон Молодый. Встреча с последним состоялась уже через полгода после его освобождения из Королевской тюрьмы Великобритании. Это великий вратарь мира и Советского Союза Лев Яшин, тренер чемпиона мира Юрия Власова Сурен Багдасаров, а также Народный артист СССР знаменитый кукольник Сергей Образцов.

Приходили к нам в гости в школу КГБ с интересными беседами Генеральный Прокурор СССР Роман Руденко, являвшийся главным обвинителем от СССР на Нюрбергском процессе, писатель Лев Шейнин, Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов, известные кинозвезды 60-х годов Евгений Урбанский и Нина Дробышева с только что снятым фильмом Григория Чухрая "Чистое небо" и многие другие.

По инициативе начальников школы Алексея Куренкова и Евгения Питовранова слушатели принимали участие в праздничных государственных и иных мероприятиях, где

довелось видеть, а некоторых и слышать, таких как Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, Долорес Ибаррури и Председатель Компартии США Элизабет Герли Флинн, Герои Гражданской войны Семен Буденный и Клим Ворошилов, Герои Великой Отечественной войны, водрузившие Знамя Победы над Рейхстагом в Берлине, Михаил Егоров и Мелитон Кантария, а также известнейший полярник Дважды Герой Советского Союза Иван Папанин.

Все это благотворно влияло на развитие и кругозор будущих разведчиков и контрразведчиков, офицеров-оперативников, что очень пригодилось потом в работе, да и в жизни.

Глава 4
Разведчик Евгений Питовранов в смокинге за роялем

"Попавшееся мне на глаза полтора десятилетия назад американское издание книги «KGB» прямо начинается с описания летнего вечера в Ницце. Обаятельный рослый русский, в отлично сшитом смокинге, только-только победивший всех соперников на теннисном корте, музицирующий на рояле, знаток поэзии, сводящий с ума всех влюбчивых французских женщин… Автор книги ехидно предупреждает: не торопитесь подпасть под чары этого русского, дамы. Это крупнейший советский разведчик генерал Питовранов. Не знаю, как по делам разведывательным, но обаяние в этом человеке взаправду немалое. Агент 007, но… русоволосый и в очках!..

Сейчас на дворе, увы, время черной неблагодарности. В той стране, где я родилась. Люди напрочь позабыли все добро, сделанное им другими людьми. Плохим тоном стало считаться простое упоминание, что кто-то когда-то тебе помог. И учителей своих даже позабывали: я мол, как Бах, — самоучка, никогда ни у кого не училась… Я же не забыла и никогда не забуду, что Евгений Петрович Питовранов принял участие в моей запутанной судьбе. И тогда, в 1959 году, и позже…"

Я тоже, как и Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, выдающаяся советская балерина Майя Михайловна Плисецкая, которую

процитировал, никогда не забуду то, что сделал наш наставник генерал-лейтенант Питовранов для меня, моих товарищей на посту начальника Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского в 1962-1965годах, как раз в период нашей учебы там.

В первой половине 60-х годов прошлого столетия в самой главной советской газете "Правда" появилось сообщение о задержании группы сотрудников посольства США, занимавшихся разведывательной деятельностью во время поездки по территории нашей страны. Их имена и фамилии мне показались знакомыми. Каково же было удивление, когда наряду с другими данными, уличающими дипломатов-разведчиков в шпионаже, в газетном сообщении были представлены фрагменты сделанного мной перевода с английского на русский их шпионских записей, выполненного в период оперативной практики. Я активно участвовал в этой операции и в других мероприятиях, фактически выполняя работу младшего оперуполномоченного. В заключение в газетном сообщении было сказано, что американские разведчики в связи с их враждебной деятельностью объявлены персонами нон грата и выдворены из СССР. Видеть собственные переводы в центральной газете для меня стало полной неожиданностью, но очень приятной! Более подробно об этой операции чекистов изложено в первой главе третьей части книги. Глава называется "КГБ — ЦРУ.Кто кого? Прощай, Москва! Привет, Америка!"

Некоторое время спустя после этой публикации в газете в нашу комнатушку в школе, где мы занимались английским, заглянул начальник курса Иван Сергеевич и попросил меня выйти. Я вышел. Увидел его мрачное, испуганное лицо. Он спросил, не случилось ли со мной чего-нибудь плохого, так как нас обоих срочно вызывает к себе начальник Высшей школы. Я ответил, что нет. Оба в полном недоумении зашли в кабинет руководителя вуза.

К нашему большому изумлению, генерал встетил нас с улыбкой, что сразу успокоило и меня, и начальника курса. После взаимных приветствий Евгений Петрович предложил сесть за стол. Он сообщил, что ему только что по "ВЧ" позвонил начальник областного Управления КГБ Анатолий Иванович и просил передать мне благодарность за активное участие в мероприятиях по документации шпионских действий упомянутых в начале статьи американских разведчиков. Материалы документации были успешно использованы для разоблачения иностранцев. Начальник школы попросил вкратце рассказать о моей этой работе в период недавно закончившейся оперативной практики.

Я рассказал, отметив, что поставленную передо мной задачу

помогла решить хорошая языковая подготовка, которую обеспечили прекрасные преподаватели Высшей школы, и особенно занятия на последнем этапе с бывшим разведчиком-нелегалом Исхаком Абдуловичем Ахмеровым, отличным американистом, много сообщившим нам о разнообразных особенностях американского варианта английского языка. А еще очень полезна была оперативная практика, мое знание обстановки в городе. Особенно помогла стажировка на участке оперативной деятельности, осуществляемой в направлении нейтрализации враждебных действий иностранных разведчиков, приезжающих в страну под "крышей" дипломатов.

Евгений Петрович одобрительно реагировал на мои пояснения, похвалил меня за смекалку и находчивость, настойчивость и трудолюбие. Он сказал, что его разговор по телефону с начальником областного УКГБ и мой рассказ убедили его, что я своей работой в период стажировки способствовал росту авторитета Высшей школы, и это тоже похвально.

Эта достаточно необычная беседа начальника Высшей школы КГБ Питовранова с рядовым студентом, как мне кажется, объясняется случаем, тоже связанным с деятельностью американских дипломатов в СССР, случаем, важным для самого Евгения Петровича, который позволил ему впервые встретиться со Сталиным, что в дальнейшем повлияло на его судьбу. Возможно, телефонный разговор по "ВЧ" с Анатолием Ивановичем оживил эти его воспоминания и подтолкнул к описанному выше вызову к себе меня и начальника курса.

Подробно о его первой встрече со Сталиным написал в книге "Сталин и разведка" Игорь Дамаскин. Эта встреча состоялась в 1944 году. Назревал международный скандал. Вернувшиеся из Куйбышева в Москву после трехлетнего отсутствия иностранные дипломаты стали обнаруживать в своих представительствах и квартирах в большом количестве "жучки". В том числе оперативная техника была выявлена и в квартире американского посла Аверелла Гарримана. Чтобы не допустить скандала, Сталин собрал по этому поводу совещание руководителей органов государственной безопасности и предложил каждому высказать убедительную версию для объяснения иностранцам ситуации, но "особо не расшаркиваться перед американцами". Вот небольшой фрагмент из книги о том, что произошло дальше:

"…Наступила тяжелая, давящая тишина, беспощадно быстро летело время. И вдруг робкое, но, очевидно, спасительное для всех:

— Разрешите, товарищ Сталин?

Поднялся самый молодой генерал, сидевший в глубине за

спинами более высокого руководства. Сталин удивленно поднял брови.

— Да, говорите, мы вас слушаем. Представьтесь, пожалуйста.

— Генерал-майор Питовранов.

Резко обернувшись, Сталин бросил пристальный взгляд и едва заметно кивнул головой.

— Докладывайте…

— Товарищ Сталин, Москву, понятно, мы никогда бы противнику не отдали. Но война есть война и, вообще говоря, могло бы произойти всякое… Так вот, мы, вроде бы, тоже не исключали возможности сдачи Москвы по чисто тактическим соображениям. И на период ее временной оккупации подготовили для противника некоторые сюрпризы. В частности, много домов заминировали, а в некоторых, где по нашим предположениям могли бы разместиться высокопоставленные немецкие чины, установили подслушивающие устройства. Понятно, для того, чтобы наши подпольщики могли получать важную информацию. Так, по-моему, могла бы выглядеть основная идея нашей позиции.

Питовранов повернулся к коллегам, ожидая поддержки, но те не отрывали глаз от вождя.

Осмысливая, очевидно, неожиданное предложение, тот долго молчал.

— Ну что ж, предложение дельное, интересное, но не до конца продуманное. Почему же мы все-таки, не оставив немцам Москву, сами потом не сняли эти устройства… жучки? -

Теперь все головы, как по команде, повернулись к докладчику. Он не заставил себя долго ждать:

— Сами не сняли по простой причине — выполнявшие эту работу специалисты давно ушли в действующую армию, на передовую… Кроме них в эти дела никто не посвящался — таковы общие и известные, видимо, американцам требования конспирации. За прошедшие три года некоторые погибли, другие воюют. Вот закончим войну и будем устранять все ее следы… А сейчас какие могут быть к нам претензии?

Ведь эти устройства мы никогда не использовали. — Он лукаво улыбнулся… — Доказать обратное вряд ли возможно. -

Едва заметная улыбка скользнула и по лицу Сталина:

— Вы закончили? Хорошо, какие есть еще идеи?

— Других не оказалось. Тогда все свободны…

На следующий день министр иностранных дел Вячеслав Молотов принял посла Гарримана и вручил ему ответ советской стороны. Инцидент был исчерпан".

Евгений Петрович Питовранов встречался со Сталиным и

позже. 5 января 1953 года он был назначен им руководить внешней разведки МГБ СССР. После смерти Сталина Питовранов 5 мая 1953 года Хрущевым был направлен в ГДР в качестве советника этого ведомства. Надо понимать, это была замаскированная ссылка.

Хорошо помню день 14 октября 1964 года. Я находился в читальном зале библиотеки Высшей школы КГБ. Занятия уже закончились, большинство слушателей уехали в общежитие, другие занимались самоподготовкой. Где-то около пяти часов вечера в библиотеку зашел дежурный офицер по школе и срочно просил пройти в большой актовый зал. Собралось несколько сотен человек. На сцену вышел генерал-лейтенант Питовранов и кратко сказал: "Сейчас проходит Пленум ЦК КПСС. Со всех должностей снимают этого дурака. Завтра будет информация в газетах и по радио. Сообщаю, чтобы правильно ориентировались в обстановке". Фамилия не называлась, но все однозначно поняли, что речь шла о Никите Хрущеве.

Как прозорлив был Питовранов! Какую верную характеристику он дал Никите Сергеевичу! Ведь не последнюю роль недальновидное, глупое решение Хрущева (1956год) о выведении партийно-государственной номенклатуры из-под оперативного контроля правоохранительных органов сыграло в создании ситуации, при которой стало возможным появление во главе социалистического государства Горбачева и Ельцина, развалиших великую страну с тягчайшими последствиями для трудового народа.

В отличие от этого политического деятеля Питовранов обладал глубоким умом, всесторонними знаниями, опытом, позволившими организовать качественную подготовку специалистов в школе КГБ. Уделялось внимание не только привитию необходимых профессиональных навыков, но и воспитательной работе с молодыми чекистами. Евгений Петрович Питовранов — герой нашего советского времени.

Глава 5
Первый учитель. Педагог от Бога Ольга Симонова

«Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь».

(Ключевский В.О.)

Преподаватели Высшей школы КГБ СССР имени Ф.Э.Дзержинского были нашими друзьями, они любили нас, и они не только качественно преподавали нам свой предмет, но и учили любить профессию, любить людей, любить Родину. Ольга Сергеевна Симонова, как я уже отмечал ранее, приняла нас в эту школу, она и обучала на первом курсе английскому языку. Наша подгруппа состояла из пяти человек. В ещё двух таких же по численности английских подгруппах работали другие учителя.

Перед преподавателем, ведущим занятия на первом курсе, стоит очень серьезная и ответственная задача — привить студентам навыки правильного произношения звуков весьма не легкой для овладения русскими английской речи. Это чрезвычайно трудная работа. Она требует особых знаний и умений. Поэтому и поручается наиболее опытным и

подготовленным педагогам. Ольга Сергеевна, как мы убедились, являлась в этом сложнейшем деле профессионалом высочайшего класса.

Ей тогда было 36 лет. Миловидная, темно-русые волосы, с тонкими чертами лица, внимательным взглядом, немного выше среднего роста, стройная, опрятно и строго одетая — такая она осталась в моей памяти. Она была неторопliва, внешне спокойна, основательна. Чувствовалось, что все её действия хорошо продуманы и выверены. А поскольку Ольга Сергеевна вела английский язык, то воспринималась мной как настоящая английская леди, щепетильная, пунктуальная, требовательная и с очень хорошими, я бы сказал, аристократическими, манерами. Все это, по моим ощущениям, способствовало изучению именно английского языка, создавая особый фон. Само собой возникло большое доверие и уважение к ней, желание выполнять все её задания, советы, просьбы и рекомендации так же деловито и точно, как это делала она.

Уроки Ольги Сергеевны с самого начала показались мне необычными, интересными и виделись, как какой-то особенный творческий процесс. Она, как режиссёр, требовала от нас читать тот или иной английский текст, произносить отдельную фразу или даже короткое слово с большим чувством, искренностью и некоторой артистичностью. Видно было, что она очень любила своё дело и настоящее творчество вообще. Её воспитательное влияние на студентов было очевидное. Это я постоянно ощущал на себе.

На первых занятиях Ольге Сергеевне важно было разобраться с нашим русским произношением. Оказалось, что почти у каждого из нас были недостатки. Я, например, совершенно неправильно произносил твёрдый звук “л” в конце слов, сам того не замечая. Нечёток был звук “с”. Один из моих товарищей кроме “с” имел проблемы с шипящими звуками. Кто-то отличался ярко выраженным нижегородским акцентом. Всё это мешало овладению иностранным языком по-настоящему. Ольга Сергеевна делала всё, чтобы это поправить. Она даже организовала посещение всеми логопеда, чтобы получить соответствующие рекомендации от специалиста.

Каждый из нас приобрёл карманное зеркальце, чтобы им пользоваться, когда Ольга Сергеевна объясняла, какой должен быть уклад речевых органов при произнесении конкретного звука. Как мы убедились, буквально каждый звук английской речи, на первый взгляд схожий с русским звуком, на самом деле заметно отличается от него. Потребовались многочасовые утомительные тренировки, чтобы научиться, например, правильно растягивать

губы, округлять их, выдвигая вперёд или без выдвижения; слегка выдвигать нижнюю челюсть, прижимать кончик языка к нижним дёснам или смыкать его почти под прямым углом с альвеолами. Прорабатывались десятки других речевых укладов, которые надо было чётко контролировать, чтобы добиться нужного произношения.

Кроме зеркальца понадобилась и восковая свечка, которая использовалась при работе над звуками, требующими придыхания, скажем, при работе над глухим английским звуком [p]. Он должен произноситься более энергично, чем русский “п”. Причём довольно сильный взрыв имеет место и тогда, когда этот звук находится в конце слова. По отклонению пламени свечи, в сторону которой студент произносил звуки или слова, можно было понять, насколько правильно выдерживались эти требования. И таким же образом надо было кропотливо отрабатывать и другие звуки, произносимые с придыханием ([t], [h], [k]). Всё это и многое-многое другое Ольга Сергеевна терпеливо и грамотно нам растолковывала и добивалась от каждого студента выполнения необходимых действий. Делалось это в увлекательной форме, весело, задорно.

Большое внимание Ольга Сергеевна уделяла правильному построению фразовой интонации. Неверное употребление интонации может привести к искажению смысла сказанного. Также необходимо верно распределять ударения между словами предложений, умело членить предложения на интонационно-смысловые группы. Соединение звуков и слов в речевом потоке должно соответствовать фонетическим законам английского языка. Только с соблюдением этих правил возникнет настоящая английская, понятная для иностранного собеседника речь. И всё это Ольга Сергеевна сумела внушить нам, практически обучить и утвердить в нас уверенность, что на старших курсах уже с другими преподавателями мы сможем окончательно хорошо выучить английский язык.

Ольга Сергеевна была достаточно строга, но не в смысле высказывания каких-то претензий, выговоров и тому подобное. Нет. Просто она сама вела себя так чётко, деловито, культурно, что и нам нельзя было вести себя иначе. Она была очень образованна, эрудированна и интеллигентна. Хорошо относилась ко всем. Я чувствовал её пристальное, нежное внимание ко мне, приехавшему в Москву из глухой провинции со специфическим говором. Именно благодаря её стараниям моя родная речь изменилась в лучшую сторону.

Ольга Сергеевна вела только первые курсы, но любовно следила за судьбой своих учеников. Я сдал государственный

экзамен по английскому языку на пятёрку. Я был в ударе тогда. В июле сдавали пять курсовых и четыре государственных экзамена, и по всем я получил только отличные оценки. Ольга Сергеевна специально разыскала меня. Она была в восторге от того, как я сдавал английский (ей рассказали члены комиссии), и горячо меня поздравила.

Её особенностью было то, что она помнила всех своих студентов долгие годы, кто какой был на первом курсе, какие с кем случились забавные события во время занятий. В конце курса она, например, рассказала нам о первом нашем уроке английского языка в Высшей школе КГБ, и даже кто и как был одет 1 сентября. Уникальная была Ольга Сергеевна, и я ей очень благодарен за всё!

Ольга Сергеевна не раз говорила нам, студентам, что к речи, к разговору, к изучению английского языка надо относиться так же, как музыканты относятся к изучению музыки, к овладению игрой на музыкальном инструменте. Музыка — это та же речь, и наоборот, речь — это та же музыка. При этом она ставила в пример своего сына Юру, который учился тогда играть на скрипке. Те же интонации, те же долгие и краткие звуки, те же предложения, фразы, паузы и многое другое, что роднит речь и музыку. Она очень хвалила Юру за упорство, терпение и целеустремлённость. О дочери Жене она рассказывала нам меньше, видимо, из-за того, что та была ещё мала.

Мы знали, что ранее Ольга Сергеевна работала в Ленинграде в институте иностранных языков КГБ. Но в 1960 году институт был переведён в Москву, и в качестве факультета № 3 влился в Высшую школу КГБ. Мы стали первым набором на первый курс этого факультета, готовившего оперативных работников, которые могли бы в совершенстве владеть одним из иностранных языков и глубоко разбираться в юридических вопросах, без знания которых невозможна никакая правоохранительная деятельностиь. Недоучившиеся студенты ленинградского института сформировали старшие курсы. Из Ленинграда в Москву переехала только часть преподавателей, в их числе и Ольга Сергеевна. О её муже нам было известно, что он занимался медицинской наукой и имел какое-то отношение к работам, связанным с освоением космоса.

Уже много лет спустя я узнал, что любимую мою учительницу окружали удивительные люди, известные сейчас всей стране. Её отец, Сергей Михайлович Вяземский, собрал громаднейший исторический архив, касающийся развития науки и искусства в Санкт-Петербурге и Ленинграде, который сейчас хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства

нашей северной столицы, и к нему проявляется большой интерес со стороны деятелей культуры.

Муж Ольги Сергеевны, Павел Васильевич Симонов, крупный учёный, психофизиолог, биофизик, психолог, доктор медицинских наук (1961 год), профессор (1969 год), а также лауреат Государственной премии за создание и разработку методов диагностики и прогнозирования состояния мозга человека (1987 год). Павел Васильевич Симонов в 1987 году стал академиком АН СССР. Являлся членом различных научных и общественных организаций, в числе которых были Международная академия астронавтики и Американская ассоциация авиационной и космической медицины (1971 год). Двадцать лет Павел Васильевич руководил Институтом высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН.

Неординарны и дети Ольги Сергеевны и Павла Васильевича. Дочь, Евгения Павловна Симонова, стала прелестной актрисой театра и кино, приобрела всесоюзную известность и популярность, сыграв очаровательные роли в фильмах “В бой идут одни старики”, “Афоня”, “Обыкновенное чудо” и других. В советское время новых фильмов с её участием ожидали в равной степени с нетерпением и молодёжь, и старшее поколение. А Юрия Павловича Вяземского (Симонова), писателя, философа, кандидата исторических наук, профессора МГИМО, знают все продвинутые ребята страны и родители этих ребят как автора и ведущего интеллектуальной телеолимпиады для старшеклассников “Умницы и умники”.

В биографии народной артистки РФ Евгении Симоновой, опубликованной на сайте Международного объединённого биографического центра, отмечается:

“Мать, Ольга Сергеевна, преподавала в Высшей школе КГБ, хотя не состояла в партии. Она обожала английский язык, была фанатично предана делу, всегда обучала студентов 1-го курса, ставила красивое произношение и передавала им свою увлечённость. У Ольги Сергеевны была фантастическая способность прививать любовь к языку. Она была очень артистичной, в детстве занималась балетом, очень любила театр.

Евгения Симонова родилась и воспитывалась в атмосфере любви. Семья была не только дружная, но и интеллигентная, в ней существовало твёрдое кредо: “Детей нужно учить как можно больше”. Евгения и Юрий были натурами увлекающимися, занимались иностранными языками, музыкой, проводили вместе много времени. В семье все были заняты своим делом, и детям давали максимальную возможность для выбора, чтобы они смогли почувствовать своё настоящее призвание…”

Они нашли не только своё призвание, но и завоевали огромное признание своих поклонников. А об Ольге Сергеевне на встрече профессора Юрия Вяземского со студентами МГУ было очень точно сказано: “Педагог от Бога!” Излишне что-либо добавлять к этому.

Глава 6
Мастер! Учил нас наставник Абеля Исхак Ахмеров

С тех пор прошло более пятидесяти лет, но я хорошо помню, как в начале третьего курса моей учебы в Высшей школе КГБ СССР (1962 г.) в класс, закрепленный за нашей группой для занятий по английскому языку, пришел начальник факультета и сообщил, что у нас будет новый учитель. «Но это особенный учитель, — доверительно сказал он, — это бывший разведчик-нелегал. Он много лет работал в Соединенных Штатах Америки. Заслуженный и очень уважаемый в КГБ человек». Начальник попросил нас в общении с ним проявить дисциплину, такт, чуткость и ни в коем случае не расспрашивать о работе, которую он проводил за рубежом.

Мы были молоды и, конечно, были романтиками. Поэтому интригующая новость вызвала у нас восторг и породила добрые ожидания. На следующий день руководитель факультета представил нам Исхака Абдуловича Ахмерова. Его фамилия нам ни о чем не говорила. При появлении бывшего разведчика в классе в моей голове лишь промелькнула веселая мысль: "Да это же настоящий американский дедушка!" Я не раз видел такого же в

недублированных фильмах США, показанных в большом количестве в кинозале Высшей школы.

К такой мысли меня подтолкнула располагающая к доброму разговору внешность Исхака Абдуловича, густые брови над улыбчивыми глазами, черные волосы с богатой сединой, чисто выбритое лицо, испещренное морщинками. Темный костюм в малозаметную полосочку, цветная рубашка и галстук выглядели несколько старомодными и выделяли учителя из среды окружающих его людей. Но одежда была подчеркнуто опрятная и впору. Стройный, без лишней полноты, несмотря на пожилой возраст (61 год), он спокойно и уверенно ходил по классу. В его прическе, одежде и жестах виделось что-то необъяснимое, что я замечал и у героев американских фильмов. Несомненно, длительное пребывание в Америке отразилось на его внешности и поведении.

А когда Исхак Абдулович начал говорить по-английски с завораживающим, ярко выраженным американским произношением, с использованием лексики, свойственной американскому варианту английского языка, стало совершенно ясно, что нам, пятерым студентам, сильно повезло с учителем! Он был немногословен, нетороплив. И это хорошо. Так легче воспринималась его речь и надежнее запоминались новые иностранные слова и фразы. Я до сих пор храню в памяти голос старого разведчика, его спокойную, умную и убедительную речь, насыщенную идеоматическими выражениями и блестящими интонациями.

Душа моя тогда ликовала. Ведь я был увлечен английским. Еще в старших классах в целях изучения языка и получения дополнительной информации ловил радио "Голос Америки", прислушивался к отточенной и выразительной речи заокеанских дикторов. Мне нравилось особое произношение американцев, в котором в сравнении с англичанами я слышал больше четкости, уверенности и силы. И вот пришел в нашу группу такой уникальный преподаватель, который говорил по-английски так, как говорили коренные жители США. Фантастика! Все свидетельствовало о том, что наш учитель — высокообразованный человек и очень талантливый.

Исхак Абдулович вел у нас занятия целый учебный год (1962–1963). Связанные с его приходом оптимистические ожидания на качественные изменения в учебе полностью оправдались. Каждая встреча с учителем для студентов была бесценна. Разговор с ним воспринимался как ответственная беседа с иностранцем. А это давало уверенность, что мы действительно учим иностранный язык.

Он владел крепкими педагогическими навыками. Настоящий Мастер своего дела! Я бы сказал, Мэтр! Он глубоко и с творческим подходом разбирал с нами темы, касавшиеся быта и нравов американского общества, рассказывал о взаимоотношениях детей и родителей в американских семьях. Говорил со знанием предмета об американских школах и некоторых университетах, о современной и классической американской литературе, ненавязчиво внедряя в наши мечтательные головы страноведческие знания, а также необходимые английские слова, фразы, особенности языка. Кстати, страноведение, а в нашем случае изучение Соединенных Штатов Америки, на нашем факультете преподавалось на самом высоком уровне. Специальный подробнейший курс вел очень хорошо подготовленный профессионал.

Успешной учебе помогала непринужденная, по-домашнему теплая обстановка, в которой мы занимались. Наш класс представлял из себя крохотную комнату бывшего общежития, в которой сохранилась даже кухонная плита и раковина с краном холодной воды. В аналогичных классах учились студенты и других языковых групп. В нашей комнатушке помещались только четыре письменных стола и учебная доска на стене. Поэтому Исхак Абдулович во время урока всегда был рядом и доступен каждому студенту.

Учитель много рассказывал о тех или иных событиях, имевших место в Америке, увязывая их с темой урока. Но сам он почти никогда не был героем этих рассказов. Обычно Исхак Абдулович говорил, что это произошло с его товарищем либо случайным знакомым, или вообще с посторонним человеком. Мы же понимали, что знакомым был не кто иной, как он сам. Но мы, следуя просьбе начальства, никогда не задавали ему прямых вопросов о его пребывании в США. Мы даже не знали, в какие годы учитель работал в Америке.

К тому времени, когда Исхак Абдулович начал вести у нас занятия, из американской тюрьмы в обмен на летчика-шпиона спецслужб США Пауэрса 10 февраля 1962 года был освобожден советский разведчик-нелегал Рудольф Абель. О нем сразу стали говорить как о суперразведчике. Нам тогда было невдомек, что занимаясь английским у Ахмерова, мы ежедневно общались с таким же асом нашей разведки, каким был Абель. Больше того, согласно статье С.Червонной, А.Судоплатова, В.Воронова "Рудольф Абель. Легенда холодной войны" (2003 г.) наш преподаватель Исхак Абдулович Ахмеров являлся наставником Рудольфа Абеля перед его выездом на нелегальную работу в США в ноябре 1948 года. В указанной статье сообщается:

"Вильяму Фишеру (настоящие имя и фамилия Абеля. — С.Б.) повезло с наставником. Многолетний нелегальный резидент внешней разведки в США Исхак Ахмеров посвятил коллегу во все тонкости предвоенной и военной работы в Америке и "ввел в курс" законсервированного им осенью 1945 года оперативного "задела" будущей работы. Ахмеров передавал свой опыт и контакты в надежные руки. Для ветерана внешней разведки генерал-лейтенанта Виталия Павлова — в 40-е г.г. капитана госбезопасности — Вильям Фишер "был настоящим образцом нелегала, разумеется, после Василия Зарубина и Исхака Ахмерова" (с ними ему довелось работать на американском направлении)".

В одном из интервью В.Г.Павлов даже назвал Ахмерова разведчиком номер один XX-го века, наиболее успешно действовавшим в годы второй мировой войны в США.

Мы этого не знали о нашем учителе, а Исхак Абдулович не давал нам ни малейшего повода думать о нем как о суперразведчике, каковым он являлся на самом деле. Он вел себя очень скромно и тихо. Насколько помню, о себе он говорил только по одной теме — об учебе в Институте красной профессуры. В свою очередь задавал вопросы о нашей студенческой жизни и сравнивал ее с ситуацией в среде студентов 20-х годов.

Я, конечно, сосредоточил свое внимание на самом языке и, в первую очередь, на произношении английских звуков, на ударениях в словах, на интонациях в предложениях, на лексике. Старался подметить в американском варианте произношения Исхака Абдуловича все мельчайшие особенности и использовать их в своей речи. Чувствовалось, что Исхаку Абдуловичу нравилось наше желание учить иностранный язык по-настоящему.

Помню, как он упорно добивался того, чтобы я правильно, по-американски, произносил так называемый четвертый гласный звук, который имеется, например, в таких английских словах как: a cat (кошка), a man (мужчина), bad (плохой), black (черный). Исхак Абдулович настойчиво просил при произнесении этого трудного для русских звука энергичнее опускать челюсть, слегка растягивать губы, кончиком языка упереться в десны. Он показывал, как это надо сделать. Большое внимание Исхак Абдулович уделял работе над согласными звуками, произносимыми с придыханием. Учил он нас всем тонкостям американской речи так же любовно, с волнением, как родители учат говорить первые слова малышей. Мы для Исхака Абдуловича действительно были детьми, точнее, внуками. И он радовался нашим успехам очень непосредственно, как ребенок.

Мне тогда было двадцать лет. Моим товарищам по 23–25. Я очень много занимался языком самостоятельно. Часто до полуночи засиживался за учебниками и английскими книгами. Естественно, на уроках Исхака Абдуловича я преуспевал, и ему не требовалось тратить на меня много времени, хотя он старался уделять всем равное внимание. Мне же порой казалось, что ему были привлекательнее долгие и серьезные разговоры с моими старшими товарищами. Я в душе даже обижался на него. Думал, что он смотрит на меня, как на школьника, с которым можно позаниматься когда-нибудь потом. Конечно, я ошибался. Оценки по английскому у меня все годы были неизменные — пятерки.

Уроки английского языка, уроки жизни, которые преподал нам разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров, не были напрасными. То, чему он научил нас, подчас решало в практической работе исход дела.

Еще несколько слов о нашем общении с Исхаком Абдуловичем. Он никогда нас не ругал, не повышал голоса. Но чувствовалось, что он переживал, когда у студентов что-то долго не получалось. Однако он всегда сдерживал свои эмоции. Произошел все же случай, когда Исхак Абдулович не сдержался. Отмечалась 18-я годовщина Дня Победы над Германией в Великой Отечественной войне. В большом зале Высшей школы собрались студенты, преподаватели, руководство. Выступали ветераны. Пригласили высказаться и наших славных разведчиков Исхака Абдуловича Ахмерова и Василия Михайловича Зарубина. Первым выступил генерал Зарубин. Затем взял слово Исхак Абдулович. Оба говорили о вкладе советских разведчиков в дело разгрома немецких оккупантов. Говорили страстно, но общими фразами. Исхак Абдулович в тот момент неожиданно для нас показал себя очень эмоциональным. Он говорил необычно громко и торопливо. Потом начал немного путаться в мыслях. Наконец, сорвался и… зарыдал. Правда, быстро взял себя в руки. Это не были слезы радости по случаю праздника Дня Победы. Это было что-то другое… Он хотел сообщить слушателям о чем-то важном, и не смог, НЕ ИМЕЛ ПРАВА… Но об этом выскажусь в заключительной главе, посвященной работе Ахмерова за рубежом. Разведчикам долго аплодировали.

По окончании третьего курса мы попрощались с Исхаком Абдуловичем, ушли на каникулы, а затем уехали на стажировку. Когда вернулись, он в Высшей школе уже не работал. Мы, студенты, благодарные ему за все, чему он нас научил, были очень опечалены его уходом из школы… Только постепенно я стал узнавать о масштабе воистину героических дел, которые совершил Исхак Абдулович как разведчик-нелегал…

Глава 7
Марина Рытова. Переводила генсекам и президентам

«Вся гордость учителя в учениках, в росте посеянных им семян».

(Менделеев Д.И.)

Увлёкшись английским, испанским и французским языками, я не предполагал, что предметом моего глубокого интереса будет и греческий. А началось всё в феврале 1966 года. Тогда Высшая школа Комитета государственной безопасности СССР спешно организовала годичные курсы по изучению этого редкого языка. Моя кандидатура для учебы на курсах определилась не сразу, а только после того, как несколько коллег поочерёдно отказались

от курсов, посчитав, что не смогут что-то выучить за короткий срок. Я, напротив, очень обрадовался появившейся возможности расширить свои знания в языках. Год учить только язык (да какой!) — это ли не мечта полиглота? А я уже относил себя к таковым.

Нужных специалистов по греческому языку в Высшей школе не оказалось, но её руководству удалось найти в другом вузе лучшего в этой сфере профессионала. Для работы на курсах временно, на двенадцать месяцев, из института международных отношений была приглашена Марина Львовна Рытова, опытный педагог и прекрасный переводчик. О ней, славной подвижнице в деле преподавания греческого языка, о её незабываемых уроках и будет моё повествование в этой и следующей главе.

В том далёком 1966 году эта удивительная женщина ещё не имела громкого имени, не удостоилась почётных званий и больших наград. Но, будучи великолепным переводчиком, Марина Львовна уже тогда успела плодотворно поработать с рядом высокопоставленных советских и иностранных чиновников, деятелей культуры и православной церкви. В их числе были крупные фигуры второй половины двадцатого века: Никита Хрущёв, Анастас Микоян, патриарх Московский и всея Руси Алексий I, президент Кипра архиепископ Макариос и греческий композитор Микис Теодоракис. Со стороны каждого из них она ощутила самое доброе к себе отношение и уважение к её непростому труду. Вот что сказала Марина Львовна, например, в интервью корреспонденту газеты “Вестник Кипра” М.Николайчевой: “ Я горжусь тем, что была личным переводчиком архиепископа Макариоса. Он ко мне очень тепло относился, я много раз с ним встречалась, была у него в гостях в Президентском дворце. Всегда поражалась его удивительной глубокой проницательности и необыкновенному чувству юмора “.

Спустя годы Марина Львовна Рытова сама ярко проявила себя как очень активный общественный деятель, много сделавший для развития связей СССР (а затем России) с Грецией и Кипром. Она на протяжении многих лет являлась президентом-исполнителем Ассоциации культурного, делового сотрудничества и дружбы с народами этих интереснейших стран (Ассоциация “Филия”). Ей присвоено звание Почётного гражданина греческих городов Афины и Олимпия. Марина Львовна удостоена российской государственной награды ордена Дружбы, высшей награды Греции ордена Каподистрии и кипрской медали “За особые заслуги перед Кипром”. Список первых лиц, с которыми она работала как переводчик, пополнился именами Леонида Брежнева, Михаила Горбачёва, ряда президентов Греции и Кипра.

Но вернусь в 1966 год непосредственно к нашей учёбе. Оценив обстановку, я твёрдо решил, что за установленный короткий срок во что бы то ни стало хорошо выучу язык. С самого начала стал внимательно вслушиваться в греческую речь преподавателя, всматриваться в рекомендованные тексты и скрупулёзно их анализировать. И надо сказать, греческий язык мне полюбился с первых фраз, произнесённых Мариной Львовной. Один из древнейших языков, он очаровал меня своей особой и приятной для слуха мелодичностью, чёткими слогами и интонациями. Мне очень понравилась необычная графика печатных греческих букв, особенно строчных, а также и некоторых прописных. Очевидная изысканность в их начертании отчасти напомнила мне изящную угловатость готического письма, которым я восхищался когда-то. Я столкнулся с ним ещё в раннем детстве при переводе с помощью отцовских словарей короткой, но загадочной для меня надписи, выгравированной готическим шрифтом на клинке трофейного немецкого кинжала, хранившегося после войны в нашем доме.

А какое неизгладимое впечатление и колоссальное удовлетворение получили я и мои товарищи от прочтения всемирно известных мифов на языке народа, их создавшего! Одним из таких мифов, который мы прочли с радостным волнением и перевели вместе с Мариной Львовной, был поучительный миф об искуснейшем архитекторе и скульпторе Дедале и его сыне Икаре. Когда они улетали с острова Крит на крыльях, сделанных Дедалом, сын не прислушался к мудрому совету отца не подниматься слишком высоко в небо. Солнечный жар растопил воск, склеивавший перья этих крыльев, Икар упал в море и погиб. Я и сейчас помню печальный чистый голос Марины Львовны, читающей отрывки из этого мифа, а ведь прошло почти полвека!

Внешностью, жестами, эмоциями, характером Марина Львовна напоминала мне мою маму Надежду Ивановну, и это положительно влияло на мой настрой на учёбу. Невысокого роста, стройная, очень подвижная, симпатичная, она сразу покорила нас своей кипучей энергией, решительным характером, открытостью в общении и здоровым оптимизмом. Она создала на занятиях атмосферу раскрепощённости и всеобщей деловитости, что ускоряло усвоение учебного материала. Ей тогда было около сорока лет, моим пятерым товарищам примерно по тридцать, мне исполнилось двадцать четыре года. Уже через неделю интересной и весьма интенсивной работы между нами и учителем сложились отношения взаимного доверия и искреннего уважения. Появилось ощущение, что мы знакомы не пять-шесть дней, а много недель и

даже месяцев. Самое важное, Марина Львовна сумела быстро вселить в нас так необходимую нам уверенность, что за отведённое непродолжительное время мы сможем овладеть изучаемым языком. Она делала всё, чтобы обеспечить для этого благоприятные условия.

К примеру, намечалось, что мы будем заниматься в одном из зданий КГБ в самом центре Москвы, а жить (большинство слушателей не были москвичами) в районе Шаболовки в общежитии, в котором тоже имелось несколько уютных учебных классов. На ежедневные поездки до места учёбы и обратно уходило бы без пользы около двух утомительных часов. Марина Львовна оценила ситуацию так: “Это непорядок. Вам язык надо выучить за год, а не за пять лет. Время необходимо беречь. Вам выделят класс в общежитии”. Минуя бюрократическую вертикаль многочисленных начальников, она быстро решила проблему на уровне руководства школы. С помощью того же начальства Марина Львовна оснастила нас магнитофоном и радиоаппаратурой военного образца, чтобы в учебных целях прослушивать радио “Голос Греции” и другие греческие станции. Технические средства мы разместили в комнате, где жили, и поэтому не тратили время зря на походы в лингафонный кабинет.

Пожалуй, самой главной проблемой для нас было полное отсутствие учебников и надлежащих словарей. В известном магазинчике на улице Кузнецкий мост продавался только маленький русско-новогреческий словарь, составленный Н.А.Сальновым. Нам повезло в том, что как раз в это время Марина Львовна приступила к разработке учебника греческого языка и давала нам отдельные кусочки его, размноженные на ротаторе. Мы аккуратно переписывали их в наши тетради и потом тщательно вместе с учителем обсуждали эту информацию. Марина Львовна, являясь разработчиком учебного материала, легко, аргументированно и доходчиво его разъясняла. Фактически она на нас отрабатывала свою уникальную методику обучения, а мы ей в этом помогали.

Её учебник вышел в свет лишь в 1974 году. А в 1980 году Марина Львовна по поручению одного из отделов ЦК КПСС провела большую организационную работу по оказанию помощи этническим грекам Грузии по налаживанию изучения ими родного греческого языка. В ходе выполнения этой благородной и сложной миссии она встретила жёсткое противодействие со стороны центральных грузинских властей. Известный общественный деятель Никос Сидиропулос приводит слова министра просвещения Кинкладзе, цинично произнесённые в разговоре с Мариной Львовной: "Скажите, они вам платят за

учебники, которые вы издаёте? Мы вам заплатим за все учебники на 100 лет вперёд!.. Оставьте наших греков!" Марина Львовна, неподкупная и мужественная, не оставила этнических греков один на один с чиновниками. Благодаря её настойчивости и упорству греческие школы были открыты, а она награждена Золотой медалью Союза понтийских греков, удостоена звания Почётного гражданина двух грузинских городов — Цалка и Дманиси. К учебникам и уникальной методике преподавания греческого языка кандидата педагогических наук Рытовой Марины Львовны проявили интерес не только в России и в странах-республиках, возникших на развалинах СССР, но и в так называемом дальнем зарубежье. Марина Львовна стала Почётным доктором Лейпцигского университета, Почётным доктором университета Патр, действительным членом Российской Академии педагогических наук.

В нашей учёбе мы тоже были настойчивы, упорны и изобретательны. Например, пытливо вчитываясь в греческие тексты, я время от времени находил в них интересные элементы русского, английского, испанского и французского языков. Это касалось и лексики, и грамматики. Такой подход к работе над языком помогал мне быстро разобраться в содержании текстов и надолго запомнить выявленные совпадения. Проработка разнообразных тем и диалогов в классе дополнялась занятиями вне аудитории. Мы с большим интересом в учебных целях посещали прекрасные исторические и художественные музеи, различные выставки и галереи Москвы, а иногда и столичные вузы. Особенно запомнились поездки в высотное здание МГУ на Ленинских горах, на Выставку достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина с посещением отдела искусств и археологии Античного мира, в котором имелись подлинные расписные греческие вазы и слепки с наиболее прославленных статуй Древней Греции.

На ВДНХ мы провели с Мариной Львовной несколько удивительных часов. Побывали в ряде интересных павильонов, в том числе в наиболее посещавшемся в то прекрасное время бурного расцвета науки и техники павильоне "Космос". Каждый из нас по очереди выступил в качестве экскурсовода, рассказал на греческом языке о многочисленных экспонатах, а остальные живо по-гречески задавали возникавшие вопросы. При этом перед всеми ставилась цель употребить как можно больше различных греческих слов и выражений в правильной грамматической форме и произнести их с нужной интонацией. При крайней необходимости Марина Львовна вмешивалась в процесс. Этот

формат учёбы приветствовался всеми. Такие занятия проходили очень весело, задорно и, главное, с хорошим результатом.

Марина Львовна советовала при проведении подобных экскурсий, когда переводчика слушает много людей, быть предельно ответственным и внимательным в выборе иностранных слов, чтобы не попасть в неловкое положение. Она рассказала о трагикомическом случае, произошедшем с ней давно. Подъехав с греческой делегацией к только что построенному открытому плавательному бассейну на Кропоткинской набережной, она, выступая перед гостями, стала давать сооружению яркие характеристики: “самый большой бассейн в Москве”, “бассейн под открытым небом, работающий летом и зимой”, “любимый бассейн москвичей” и тому подобное. При этом Марина Львовна заметила, что греки во время её красочного рассказа о бассейне как-то помрачнели, на их лицах читалось недоумение, как если бы они не могли что-то понять. По окончании экскурсии старенькая гречанка отвела её в сторону и объяснила, в чём было дело. Оказалось, что, произнося ключевое слово этого пункта экскурсии “бассейн” (по-гречески “писсина”), Марина Львовна неправильно поставила ударение (на третьем слоге, а нужно было на втором), и получилось совершенно другое слово по смыслу, означающее “зад, седалище, ягодицы”. К этому слову она и присоединила все упомянутые сочные эпитеты, страстно рассказывая грекам о новой достопримечательности Москвы. Большей неловкости в жизни, узнав о своей нелепой ошибке, Марина Львовна, по её словам, не испытывала.

Марина Львовна очень хорошо знала ВДНХ. Она начала работать там переводчиком английского и греческого языков, когда выставка показывала достижения только в области сельского хозяйства. А то, что она наряду с греческим отлично владела и английским, я убедился в первые дни знакомства. Мы ехали в троллейбусе из центра города в общежитие. Узнав, что я говорю по-английски, Марина Львовна сразу переключилась на этот язык и всё оставшееся время длинного маршрута в переполненном троллейбусе вела разговор со мной только на английском. Моё знание языка показалось ей хорошим, и в связи с этим она сказала, что мне будет значительно легче учить греческий, чем моим товарищам. Заметила также, что её дочь тоже изучает английский.

Вернусь к воспоминаниям Марины Львовны о выставке. Там ей довелось работать в качестве переводчика с успешным американским кукурузоводом Рокуэллом Гарстом, который впервые посетил нашу страну в 1955 году в составе делегации фермеров США. Впоследствии о достижениях Гарста узнал

Никита Сергеевич Хрущёв, очень заинтересовался американцем, так как сам был одержим желанием выращивать кукурузу буквально во всех регионах Советского Союза. Он даже принял делегацию иностранцев. Работая переводчицей с фермерами из США, с министром сельского хозяйства, Марина Львовна познакомилась и с советским руководителем. О кукурузной эпопее и о том, что она как переводчик сельскохозяйственной выставки вплотную соприкасалась с этой тематикой, Марина Львовна рассказывала нам с некоторым юмором, так как после отставки Хрущёв и кукуруза стали всеобщим предметом насмешек и анекдотов, часто совсем не оправданных. Но вот какую оценку Марина Львовна дала Н.С.Хрущёву и последующим руководителям страны в интервью газете “Вечерняя Москва”, опубликованном под заголовком “Вот такая кузькина мать” (24.10.2000 г.). Автор материала Лада Ермолинская. Приведу несколько фрагментов. Сначала о Хрущеве:

"…Редкий был человек! Я даже преподавала английский его младшей дочери… Этот сгусток сумасшедшей энергии иногда было очень тяжело переводить… Особенно, когда речь заходила о кузькиной маме, а такое случалось достаточно часто. Однажды к нему пришёл греческий посол, о котором было известно, что это фашиствующая личность. Я пошла переводить. И всё шло вроде бы гладко, как вдруг посол говорит: “Господин премьер! Думаю, что вы понимаете: мы представляем собой юго-восточное крыло НАТО. И в случае возникновения военного конфликта на нашей территории могут разместить установки с зарядами. Неужели в таком случае вы направите свои ракеты на Акрополь?” А Хрущёв ему отвечает: “Да вы только попробуйте, вашу мать! Мы вам такой Акрополь покажем…” И матом его. После того, как беседа закончилась, посол мне и говорит: “По-моему, вы переводили сокращённо. Я слышал, речь шла о матери…” — “Так это вы и без меня поняли! Зачем же мне вам лишний раз об этом говорить?” Одним словом, Никита ему показал, почём фунт лиха!"

О других первых лицах государства:

"Успела я поработать и с Брежневым. Последний раз я была у него с президентом Кипра Киприану на приёме в начале ноября 1982 года. Это был уже совсем дряхлый старик! Ему поддерживали руку, чтобы он поздоровался с гостями… Я сидела напротив и переводила для жены президента Кипра, а ему переводил мой бывший студент Володя Чижов. Брежнев посмотрел на меня и спросил Володю: “Кто эта женщина?” Володя отвечает: “Это переводчик”. А он: “Да нет, женщина…” В его больном сознании зафиксировалось, что переводчик — это мужчина! Приём тогда быстро свернули. К нему подошёл генерал

Докучаев (начальник охраны) и сообщил, что пора заканчивать. Брежнев говорит: “Как? Ещё кофе не пили…” — “Да что вы, пили кофе!” — “Да? А я и не заметил…” Всех подняли по боевой тревоге и отправили без всякого кофе!

А вот Горбачёв никаких особых воспоминаний о себе не оставил. Когда я с ним работала, у меня не было сложившейся идеи перевода. Слова-то я знаю, а идея — ёк, как говорят в Средней Азии! Ко мне даже закрадывалась нехорошая мысль, что он просто забалтывает собеседника. Я окосевала, не помня, с чего он начал, не понимая, что ему надо…

Ельцин… Его дочь Таня и внучка Лена учились у моей дочери английскому языку. Они приходили к нам домой, и их охрана терроризировала тут всю округу. Стояли на лестничной клетке два здоровенных мужика, смотрели в упор на каждого, кто проходил мимо — люди, естественно, пугались. Пришлось им сказать: “Сидите-ка вы в своей машине, а если хотите посмотреть, то делайте так, чтобы вас не было заметно!” И Таня, и Лена со мной, конечно, согласились”. Более точные характеристики, которые дала Марина Львовна Рытова нашим лидерам в отдельные моменты их деятельности, вряд ли можно составить. Спасибо автору публикации за то, что она смогла это записать и обнародовать.

Мудрым было решение Марины Львовны подключить к нашему обучению двух преподавателей, для которых греческий язык являлся родным. Они родились в Греции и долгое время там жили. Хотя их педагогические навыки уступали её мастерству, однако язык этих людей был действительно настоящий, подлинный, на котором они говорили в семье. Оба новых учителя быстро вошли в учебный процесс, и занятия стали ещё интересней, разнообразней и результативней. К тому же уроки не приостанавливались, когда Марина Львовна работала в МГИМО и с различными греческими делегациями, а это случалось довольно часто. Также время от времени её приглашали в ЦК КПСС переводить греческие и англоязычные фильмы. В частности, Марина Львовна переводила в те дни фильмы старейшему члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Комитета партийного контроля Пельше А.Я., влиятельнейшему в руководстве партии человеку. По её словам, переводить ему было легко и приятно. Он впечатлил её своей ярко выраженной интеллигентностью, тактом, умными репликами и вопросами. Замечу, что Марина Львовна, всегда словоохотливая и открытая, была сдержанна в рассказах о своих встречах с высокопоставленными чиновниками, видимо, руководствуясь существовавшими на этот счёт определёнными ограничениями.

Благодаря гигантской работе, проделанной Мариной Львовной и её помощниками, мы к концу нашей увлекательной учёбы довольно легко ориентировались в пройденных темах, обладали необходимым запасом слов, чтобы почитать несложную греческую книгу, статью в газете, поддержать беседу на греческом языке. В последнем месяце наших занятий Марина Львовна периодически отсутствовала, так как работала с приехавшим в Москву всемирно известным греческим композитором Микисом Теодоракисом и возглавляемым им симфоническим оркестром. Уроки вели её помощники. О великом греке Теодоракисе будет следующая глава.

Часть 2
Мои кумиры

Глава 1
Полчаса с маэстро Микисом Теодоракисом

В конце курса наших занятий, где-то в конце декабря 1966 года, Марина Львовна позвонила нам по телефону и попросила всех выйти к подъезду общежития и ожидать её, чтобы затем направиться в мединститут, где, как она сказала, состоится встреча Микиса Теодоракиса со студентами. То что она приедет не одна, Марина Львовна не уточнила. После некоторого времени ожидания мы заметили, что по пустынному узкому переулку со стороны ажурной красавицы — Шуховской телевизионной башни — в нашем направлении движется большой чёрный лимузин, каких в нашем районе Москвы никто никогда не видывал. Эта громадина, мягко покачиваясь на рессорах, медленно подъехала к нам и остановилась.

Дверца автомобиля распахнулась, и из авто выпрыгнула стройненькая Марина Львовна и бойко скомандовала нам забираться внутрь салона. Будучи младше других, я в порядке вежливости залез в лимузин последним и сел в оставшееся незанятым кресло спиной к водителю и лицом ко всем остальным. И кого я увидел к крайнему моему удивлению?!! Передо мной чуть справа на расстоянии вытянутой руки около оконца сидел Микис Теодоракис, такой же крупный и могучий, каким виделся мне его автомобиль, и с любопытством смотрел на меня. Тот самый Микис Теодоракис с шевелюрой, как у Людвига

ван Бетховена, великий и всемирно известный Микис Теодоракис! Слева расположилась неугомонная Марина Львовна. За их спинами — мои товарищи, оглушённые так же, как и я, неожиданной встречей со знаменитостью. Встретившись с Теодоракисом взглядом, я только и смог выговорить по-гречески: "Калимэра Сас!" (“Здравствуйте!"). Он в ответ поприветствовал меня.

Марина Львовна объяснила Теодоракису, что мы — одни из многочисленныых её студентов, и учит она нас греческому языку почти год. Она предложила нам задавать композитору вопросы и тем самым показать свои знания в языке. Я немного растерялся и стандартно высказался о состоянии погоды за окном автомобиля (было пасмурно и прохладно). Теодоракис согласился с моей оценкой по этому вопросу. Мои товарищи в тот момент совсем не могли сформулировать каких-то вопросов и реплик. Главным образом, разговор с композитором, пока ехали, вела Марина Львовна. Я только вставлял небольшие фразы и никак не мог войти в полноценную беседу. Так всё было внезапно, без подготовки. Мне даже подумалось, не сон ли это? Ведь никогда раньше не доводилось беседовать с иностранцем такого высокого ранга. Да притом в мчащемся по Москве автомобиле. И в каком автомобиле! Хотелось внимательно осмотреться вокруг. Всё тут было необычное, не виданное ранее. Всё отвлекало от разговора с высоким гостем из Греции. Но это было только начало общения с ним.

Когда мы приехали в медицинский институт, выяснилось, что сотрудники вуза, ответственные за организацию встречи композитора со студентами, не обеспечили их сбор. Марина Львовна, расстроенная, пошла в ректорат исправлять ситуацию, оставив нас наедине с Микисом Теодоракисом. Уходя, она попросила всех нас, выделив меня персонально, занять его вопросами, чтобы он не скучал до её возвращения. Мы стали в плотный кружок в тесном фойе института. Теодоракис возвышался над нами, а многочисленные студенты, озабоченные своими делами, сновали туда-сюда, не замечая нашей компании, включая и великого композитора. Товарищи, ссылаясь на мою продвинутость в языке, все как один страстно обратились ко мне с просьбой взять на себя основную роль в разговоре с Теодоракисом, предлагали на русском языке варианты вопросов, иногда сами их задавали по-гречески, но кратко. Марина Львовна отсутствовала около получаса. Мне и моим товарищам пришлось изрядно попотеть. Но постепенно мы освоились со сложившейся ситуацией.

Вообще, беседовать нам с Теодоракисом было легко. Этому

способствовало то, что он держался просто, был расположен к разговору. Сам задавал нам вопросы в развитие наших. Его воззрения на жизнь, оценки недавней истории и международной обстановки во многом совпадали с нашими. Это также облегчало взаимопонимание. Из рассказов Марины Львовны мы немало знали о Теодоракисе, о его музыкальной и общественной деятельности, поэтому могли задать ему адекватные вопросы. Беседа с композитором явилась для нас очень серьёзным и ответственным экзаменом. И можно честно сказать: экзамен по греческому языку мы сдали великому греку Микису Теодоракису на оценку хорошо.

Помню, сначала я сказал Теодоракису о том, что мне очень нравится его музыкальная композиция “Сиртаки”. Она проста, мелодична и чрезвычайно выразительна. Музыка поразила меня своей оригинальностью и накрепко запомнилась. Мои товарищи поддержали меня. Теодоракис слушал нас внимательно, терпеливо, понимая, что нам пока нелегко говорить по-гречески. Он выразил благодарность за тёплые слова и наш интерес к его творчеству. На моё сообщение, что “Сиртаки” многими гражданами нашей страны воспринимается не как авторская музыка, а как народная, Теодоракис пояснил, что пишет музыку для народа, опираясь на народные мотивы, напевы, традиции. В этом он видит смысл своей творческой работы и рад, что у него это получается. К сожалению, подробно побеседовать с Теодоракисом о его музыке мы не могли, так как не обладали достаточными знаниями о ней и нужным запасом греческих слов по этой тематике. Мы ведь не готовились к встрече с композитором. Всё произошло вдруг, внезапно.

Нам было легче говорить о его общественно-политической деятельности. Я обратил внимание Теодоракиса на то, что в Советском Союзе люди интересуются Грецией, осведомлены о недавнем прошлом и современных событиях в его стране. Наши граждане знают о Движении Сопротивления, связанном с оккупацией страны итальянскими и немецкими фашистами, о бомбёжке Греции британской авиацией, о размещении американских военных баз на территории страны, о левом движении. Многие советские граждане слышали о Манолисе Глезосе, Григорисе Ламбракисе и о нём самом. На это Микис Теодоракис ответил таким образом: греческий народ с давних времён дружит с русским народом и видит, что и сейчас Советский Союз на его стороне. Греки благодарны ему за это. Теодоракис сказал, что в юности ему пришлось испытать ужасы итальянской и немецкой оккупации. Он не мог спокойно смотреть на это и счёл своим долгом принять участие в сопротивлении

иноземным оккупантам, а также и реакционным властям Греции, за что подвергся арестам и вынужденной эмиграции во Францию. Теодоракис добавил, что в Греции много неравнодушных людей. Упомянутого мной Манолиса Глезоса он назвал патриотом Греции, очень смелым человеком, который, будучи восемнадцатилетним юношей, вместе с товарищем в самом начале немецкого вторжения сорвал установленный врагом на священном символе греков Акрополе нацистский флаг. Этот подвиг Глезоса воодушевил народ на борьбу с оккупантами, которые в конце концов были изгнаны греками из страны.

В ходе беседы Микис Теодоракис отметил, что и сейчас борьба за свободу продолжается, антивоенное движение ширится. Подробнее, чем мы знали, он рассказал о своём друге по борьбе Григорисе Ламбракисе, который активно выступал за ликвидацию размещённых в Греции американских военных баз. К сожалению, после одного из своих выступлений на митинге он был убит фашиствующими экстремистами. Это вызвало возмущение народа. На демонстрацию вышло полмиллиона человек. Теодоракис добавил, что уличная борьба получила большое распространение в Греции, и он с товарищами активно в ней участвует. Это приносит положительные результаты, растёт число оппозиционных депутатов в парламенте. Сам Теодоракис стал депутатом от левых сил, заняв место погибшего друга Григориса Ламбракиса и возглавив общественное движение “Молодёжь Ламбракиса”.

Беседуя с Микисом Теодоракисом о греческих маршах, демонстрациях, уличной борьбе, мы в шутку и всерьёз отметили, что его высокий рост в этих делах вряд ли ему помогает. Он добродушно ухмыльнулся и сказал: “Конечно, при таком росте неудобно находиться где-то в конце демонстрации или в середине. Разумеется, я должен быть только в первых рядах, что я и делаю. При моём росте от глаз полиции в толпе не затеряешься. Да лидер и не должен прятаться за спинами демонстрантов. Поэтому я всегда впереди!” Мы хорошо знали, что к концу 1966 года обстановка в Греции обострилась, протестное движение нарастало. Теодоракис подтвердил это. Поэтому, когда уже подошла к нам Марина Львовна, и наша поначалу сдержанная беседа переросла в дружеский разговор, мы все очень просили Теодоракиса беречь себя и не подставляться полиции. Затем все пошли в актовый зал мединститута, где Микис Теодоракис с помощью Марины Львовны провёл очень эмоциональную и впечатляющую встречу со студентами-медиками. Зал был заполнен до отказа.

Спустя четыре месяца после нашего разговора с

композитором власть в Греции захватила хунта так называемых чёрных полковников. Теодоракис вынужден был перейти на нелегальное положение. Он сразу же включился в борьбу с диктаторским режимом, но вскоре, как мы и опасались, подвергся аресту и длительной ссылке. Только через три года под давлением требований международной общественности, в том числе таких авторитетных лиц, как Дмитрий Шостакович, Ив Монтан и Артур Миллер, он был освобождён и эмигрировал во второй раз во Францию. Но Микис Теодоракис там не успокоился. Он организовал концертные поездки в ряд стран, где встречался с влиятельными людьми, делал политические заявления с осуждением хунты. С падением режима чёрных полковников Теодоракис вернулся на Родину, активно занялся музыкальной деятельностью, не прекращая общественно-политической работы: депутат парламента, министр, различные инициативы.

Велика была его роль как посредника между правительством Израиля и палестинским лидером Арафатом. Микис Теодоракис побывал и в других странах Ближнего Востока. Посетил он и Африку. В 1983 году Микис Теодоракис стал лауреатом Международной Ленинской премии “За укрепление мира между народами”. В 2000 году он выдвигался на Нобелевскую премию.

За свою долгую жизнь он написал очень много музыкальных произведений, среди них знаменитые оперы “Электра”, “Лисистрата”, “Антигона”. И сейчас, будучи в преклонном возрасте, он активно участвует в политической жизни, озабочен экономическими проблемами страны, создал Движение Независимых Граждан “Искра”, выступающее за независимое развитие Греции, свободное от иноземного порабощения. Вот такой он, Микис Теодоракис, с которым мне и моим товарищам благодаря Марине Львовне посчастливилось так неожиданно встретиться и побеседовать.

Наша увлекательная учёба завершилась успешной сдачей экзаменов в конце января 1967 года. На прощальном вечере Марина Львовна была печальна, ведь она расставалась с очередной группой учеников, которым отдала частичку своего сердца. На вечеринке присутствовала моя жена Людмила, с которой Марина Львовна на некоторое время уединилась, чтобы дать советы семейного характера. Расставаясь, мы благодарили Марину Львовну за всё, что она сделала для нас. Во время дальнейшей службы я не только сполна использовал знания, полученные от Марины Львовны, но и углубил их за счёт самостоятельной подготовки и контактов с иностранцами, из числа которых приобрёл немало хороших друзей. Марина Львовна Рытова ещё долгое время работала в институте

международных отношений и добилась выдающихся результатов как педагог, учёный, просветитель и общественный деятель. Умерла Марина Львовна 12 мая 2009 года.

Глава 2
Истинно русский патриот летчик Алексей Маресьев

В его честь названа малая планета 2173 Maresjev и улицы в Москве, Чувашии, Горно-Алтайске, Актюбинске, Ташкенте. В ряде городов ему воздвигнуты монументы и установлены мемориальные доски. Его имя присвоено школам. Ему посвящена книга лауреата Сталинской премии Бориса Полевого, фильм лауреата двух Сталинских премий кинорежиссера Александра

Столпера, опера гениального советского композитора, лауреата шести Сталинских премий и лауреата Ленинской премии, народного артиста РСФСР Сергея Прокофьева. На медали «За верность авиации», учрежденной в 2006 году, размещено его изображение.

И это все — одному человеку. НАСТОЯЩЕМУ ЧЕЛОВЕКУ. Алексею Петровичу Маресьеву. Представляя его к присвоению звания Героя Советского Союза, командир полка Н.П.Иванов писал: "Истинно русский патриот, он, не жалея жизни и крови, сражается против врагов и, несмотря на серьезный физический недостаток, добивается в воздушных боях отличных успехов".

О Маресьеве я впервые услышал от мамы в конце 40-х годов. Когда мне было больно, когда мне не здоровилось, она приводила в пример летчика, который в бою с немцами был тяжело ранен и лишился ног, но, проявив терпение и волю, с помощью врачей вылечился, научился ходить на протезах и снова вернулся к своим товарищам-летчикам. Может быть, тогда я увлекся авиацией, сам захотел летать. Потом я узнал все подробности из фильма, как Алексей с перебитыми ногами, потом отмороженными, в лесу на оккупированной фашистами территории боролся за жизнь.

Особенно на меня, малыша, произвел впечатление и запомнился эпизод из фильма "Повесть о настоящем человеке", как почти мои ровесники, братишки Серенька и Федька, обнаружили Алексея в морозном лесу, еле живого, сообщили о нем взрослым и тем самым спасли его. Совершили подвиг. Я завидовал мальчишкам, хотел быть на их месте, хотел видеть этого человека, Настоящего Советского Человека! И это осуществилось! Это случилось лет через четырнадцать после просмотра фильма. Это произошло в 1962 году в Москве в Высшей школе КГБ!

Руководство головного чекистского учебного заведения, как я уже отмечал, хорошо понимало, какое огромное значение в воспитательной работе имеет личный пример, беседы с будущими чекистами людей, доказавших своими поступками честное отношение к своему служебному долгу, преданность Родине, способность добиваться высоких целей. В один из дней на встречу со слушателями школы был приглашен Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев.

Мы с ребятами пошли в большой актовый зал школы пораньше, чтобы сесть поближе к сцене, но оказалось, что все передние ряды были уже давно заняты. Пришлось довольствоваться местами ряду в десятом около входа в зал. Но зная, что гости выходят на сцену из-за кулис, мы немного

расстроились, что были не близко от нее. Когда зал уже был полон студентов и пришло время встречи, входная дверь вдруг открылась, и в зале в сопровождении начальника школы появился человек-легенда 46-летний Алексей Маресьев. Он был совсем рядом от нас, в пяти шагах. Невысокий в сравнении с нашим рослым генерал-лейтенантом Питоврановым, среднего телосложения, в обычном костюме, в каких в те годы ходили все мужчины, легко узнаваем по фотографиям в прессе, особенно по густой прическе на бочок. Ощущение — как-будто я видел его наяву уже много раз. Но душа моя была охвачена восторгом и неописуемой радостью. Сбылась моя детская мечта!

Того мгновения, которое уважаемые мной офицеры постояли у входа и смотрели в зал в нашем направлении, хватило, чтобы вглядеться в Маресьева, в его просветленное лицо, в того героя, увидеть которого я мечтал с раннего детства. Затем они пошли к сцене. Они шли не быстро. Нам было удобно наблюдать за движением человека, трагически лишенного обеих ног. Хотя пол в зале был несколько наклонен в сторону сцены, это никак не отразилось на уверенной, четкой, обычной походке, какой шел Маресьев. Он шел синхронно с генералом, не выказывая внешне никаких особых усилий. Только придирчиво присматриваясь, конечно, можно уловить какие-то мельчайшие моменты, дающие основание утверждать о том, что это походка не обычного человека. Маресьев так же легко поднялся на сцену, как легко он проделал и весь путь до нее. Он и начальник школы разместились за столиком и незабываемая встреча началась.

Маресьев сказал, что рад выступить перед молодыми сотрудниками КГБ, поскольку высоко ценит нашу работу по защите Родины. Она близка ему, так как сам начинал военную службу в пограничных войсках НКВД, а именно, был призван на службу в авиачасть Сахалинского морского пограничного отряда в 1937 году. Служил в качестве авиатехника с учетом пройденной им учебы в аэроклубе Комсомольска-на-Амуре, готовил самолеты, вылетавшие на охрану государственной границы СССР. Правда, очень хотел летать сам и добился направления в летное училище. Алексей Петрович рассказал, что Великая Отечественная война застала его в период, когда он работал летчиком-инструктором в том же училище, которое закончил. Попал на фронт в первые месяцы войны.

Встреча-беседа наша с Маресьевым состоялась в год, когда назревал так называемый Карибский кризис в отношениях между СССР и США. Последние разместили в Турции ракеты средней дальности "Юпитер" с радиусом действия 2400 км, напрямую угрожавшие европейской части Советского Союза, с малым

подлетным временем — менее 10 минут, доставая и Москву. Обстановка была напряженная. Да и с окончания Великой Отечественной войны прошло всего семнадцать лет. Поэтому Маресьев посоветовал студентам держать себя в форме, наряду с профессиональной и военной подготовкой уделять внимание и физическим тренировкам, физкультуре.

Маресьев сказал, что важность этого он особенно осознал, когда оказался в сложном положении после ранения один в зимнем лесу. По его словам, сам он в детстве и юности был очень спортивен, борясь с различными недугами. Начальник школы рассказал летчику, что вопросу, поднятому им, в школе КГБ уделяется большое внимание. Действительно, у нас было много занятий в этом плане. Загородные кроссы осенью и весной. Лыжная зимняя подготовка и соревнования на Москва-реке и в подмосковном лесу, учеба овладению приемами борьбы "Самбо" в специальном зале, бег на дорожках знаменитого стадиона "Динамо" до 3 км. Можно было посещать плавательный бассейн там же. Не говоря уже о занятиях по огневой подготовке. Алексей Петрович одобрительно отреагировал на пояснения генерала. Конечно, по словам Маресьева, ему повезло, что его в таком жутком состоянии в лесу обнаружили ребятишки (Сережа Малин и Саша Вихров), а также отец одного из них, и оказали ему необходимую помощь. Он очень им благодарен.

Маресьев тепло отозвался о самолетах-истребителях, на которых он воевал, что было особенно интересно мне, занимавшемуся до школы КГБ в аэроклубе и предпринявшему в 1959 году попытку поступить на учебу в МАИ на факультет самолетостроения, о чем я уже немного упоминал в начале книги. На краснозвездном серебристом истребителе Як-1, разработанном КБ Александра Сергеевича Яковлева, Маресьев сбил первые четыре вражеских самолета, попытавшихся хозяйничать в советском небе. И когда с ним случилась беда, ранение, ампутация голеней ног, он не мог себе позволить смириться с такой судьбой. По его словам, он страстно хотел летать еще в мирное время. Но еще большее желание возникло у него к полетам в случившейся трагической ситуации. Проявив настойчивость, упорство, как рассказал летчик, он занялся тренировкой своего тела, своих израненных ног и с пощью врачей, используя протезы, полностью восстановил объем той дееспособности, какая необходима для управления военным самолетом. Такими же настойчивыми, упорными, трудолюбивыми он посоветовал быть и молодым чекистам в их необходимом Родине труде. Крепкое здоровье, упорный труд, настойчивость, благородная цель, вера в себя позволят решить любую задачу —

эти мысли звучали во всем рассказе этого скромного человека.

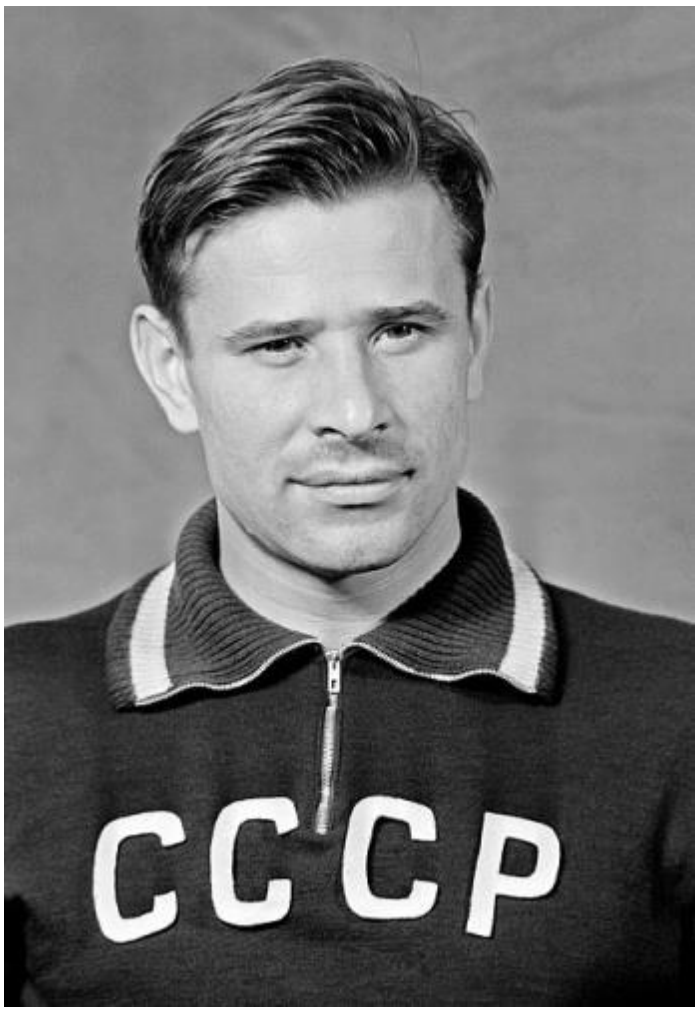
Конечно, сделанного Маресьевым со своим телом, ногами было недостаточно, чтобы вернуться в строй. Надо было еще преодолеть естестественные сомнения, недоверие начальников, командиров, да и сомнения рядовых летчиков-коллег, лиц, от которых зависело решение, допускать ли его к новым полетам или нет. Маресьев сумел и здесь убедить многих и победить. И это, как он отметил, была работа не из легких. Следует заметить, что беседовал с нами Маресьев неторопливо, очень простым языком. Был менее красноречив и энергичен, чем знаменитый летчик-испытатель Владимир Коккинаки, о встрече которого с чекистами я написал отдельно. Но обоих героев объединяла их беззаветная любовь к авиации, стремление к достижению больших целей, огромное трудолюбие. У обоих было трудное детство, рано начали работать, оба обладали неукротимой силой воли.

Впоследствии на Брянском фронте, Курской дуге, в Прибалтике Маресьев воевал уже на новейшем красавце-истребителе Ла-5ФН, созданном конструкторским бюро Семена Алексеевича Лавочкина, превосходившем в воздухе немецкую новинку истребителя "Фокке-вульф 190". Всего за годы войны Маресьев совершил 87 бесстрашных боевых вылетов, прикрывая наши бомбардировщики, громя боевую авиационную технику противника в небе и осуществляя штурмовые операции против наземного врага. Всего им было сбито 11 ""Юнкерсов", "Мессершмиттов", "Фокке-вульфов" и других вражеских самолетов, в том числе 4 — до ранения, и 7 — после ранения и ампутации обеих голеней ног. Все это, как говорится, было за гранью возможного. Но Алексей Петрович Маресьев смог! И это пример мужества, стойкости, веры в правильность поставленной цели, которая была созвучна с общими идеалами страны, запросами народа. А задача у народа тогда была одна — как можно скорее изгнать врага с нашей земли.

В августе 1943 года Алексею Петровичу Маресьеву за подвиг, связанный со спасением в бою жизни двух своих товарищей и уничтожение при этом двух неприятельских истребителей, было присвоено звание Героя Советского Союза. Хотя можно твердо сказать, что вся его жизнь — подвиг. В начале своих воспоминаний об этом выдающемся человеке я упомянул, что в представлении к награде командир полка назвал летчика "истинно русским патриотом". Эти три замечательных слова, и тоже в августе того же 1943 года, написал моей бабушке Анне Романовне с фронта из-под Славянска (Украина), сообщая о гибели смертью храбрых ее сына Владимира, его командир: "Вы

воспитали сына истинно русского патриота, который до последней минуты своей жизни не посрамил Вашу материнскую совесть". Вот такие люди обеспечили нам Победу в Великой Отечественной войне.

Глава 3
Лучший вратарь XX века Лев Яшин в родных пенатах



В конце сороковых-первой половине пятидесятых годов ушедшего века, когда я начал осознавать себя и запоминать, что было со мной, жизнь в нашем дворе кипела ключем. Двор окружали пять двухэтажных деревянных домов, в каждом из которых по четыре квартиры. Все квартиры имели индивидуальный выход прямо во двор. Жители домов были дружны, особенно дети, которые вместе проводили свободное время. Игра в прятки, войнушку, купание на речке, а больше всего

в летнее время — игра в футбол. Территория двора достаточно большая. Старшие ребята с помощью взрослых сделали футбольные ворота, правда, без сетки. Мальчишек хватало на две команды.

Играли по правилам, поскольку знали о них, регулярно посещая городские матчи по футболу. Многое слышали по радио от спортивного комментатора Вадима Синявского. Знали о кумирах советского футбола того времени Всеволоде Боброве, Борисе Пайчадзе, Алексее Хомиче, и, соответственно, многие из нас имели прозвища. Я был послабее многих, кто постарше. Поэтому меня ставили в ворота и звали Хомичем, хотя, естественно, не оправдывал это славное имя, а, наоборот, позорил. Были и свои форварды — Бобров и Пайчадзе. Когда настала эра Яшина, я уже предпочитал с утра до вечера кататься на велосипеде по городу и его окрестностям, в том числе далеким. Но продолжал слушать репортажи о футболе, и было желание когда-нибудь увидеть и Хомича, и Боброва, и Пайчадзе, а позже и Яшина.

Приехав в Москву в 1960 году, я стал часто бывать на стадионе "Динамо" и, конечно, в Лужниках. Популярность футбола была тогда запредельная, хотя о каких-то группировках фанатов в то время не было и речи. Я, во всяком случае, о таковых не слышал. Чтобы не было давки после игры в переполненных Лужниках разыгрывалась по очереди для каждой трибуны лотерея — мотороллер. Выигрывал посетитель с конкретным номерм места и ряда. Так отток зрителей со стадиона шел порциями. Толпа двигалась к станции метро по коридору, выстроенному конной милицией. Вот на этих играх и довелось видеть и Хомича, и Яшина. Правда, легендарный Хомич уже не играл, а имея фотоаппарат с огромным объективом, весь матч перемещался по беговой дорожке от одних вратарских ворот к другим, подолгу задерживаясь у них. С Всеволодом Бобровым посчастливилось жить в гостинице в Одессе и смотреть по вечерам один телевизор.

К огромной радости, Льва Яшина довелось видеть не только с трибун на поле, но и в другой обстановке. Это случилось в 1964 году в стенах родной Высшей школы КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского, и вне этих стен. Яшин поразил меня высоким ростом. Ведь мы, студенты, родились в основном либо непосредственно перед Великой Отечественной войной, либо, как я, в тяжелейшие ее годы, и были, конечно, по понятным причинам низкорослые в сравнении с поколением, к которому принадлежал Яшин. Начальник нашей школы генерал-лейтенант Питовранов тоже был высок, но 35-летний гость выглядел более спортивным,

стройным и подвижным. Актовый зал, заполненный до отказа слушателями и сотрудниками Высшей школы, встретил выдающегося вратаря тепло и слушал с огромным вниманием. Ведь Яшина в Советском Союзе знали и уважали все — от младшего школьника до глубокого старца.

Он рассказал, что увлечение футболом у него началось примерно так же, как и у нас. Правда, у нас это происходило годы спустя, о чем я написал в начале главы. Но война, к началу которой Яшину было лишь одиннадцать лет, вынудила их семью выехать из Москвы на Волгу, так как туда был переведен завод его отца, работавший на оборону. Там и ему, совсем юному, как когда-то отцу, пришлось поучиться слесарному делу, которое он продолжил, вернувшись опять в Москву. Свое увлечение футболом, которому он остался верен, Лев реализовывал в команде завода. В конце 40-х Яшина призвали в армию. Лев Иванович отметил, что ему повезло — его призвали служить в войска, дислоцировавшиеся в Москве. Именно в одной из московских войсковых частей он был замечен как перспективный футболист. В спортивном плане эта в/ч относилась к обществу "Динамо". Он участвовал в спортивных соревнованиях этой части и попал в поле зрения тренера московского спортивного клуба "Динамо" Аркадия Ивановича Чернышева. Играл там и в футбол, и в хоккей. Это случилось в 1949 году.

Со временем Лев Иванович Яшин своим усердием тренировок в знаменитом московском клубе добился, что стал периодически замещать в футбольных воротах самого Алексея Хомича. Яшин подчеркнул, что он очень благодарен Хомичу. Не все у него поначалу получалось. Были крупные ошибки и промахи. Хомич давал ему советы, и сам Яшин присматривался к большому мастеру игры в футбол и до изнеможения тренировался. Конечно, я не запомнил конкретных высказываний Льва Яшина на этот счет. Жаль, что не вел дневниковых записей. Ведь прошло более 50 лет, а беседа-встреча знаняла всего лишь около часа. Но в интернете можно найти следующее его изречение, которое составляет и суть того, что он говорил нам в тот день, к чему призывал нас, молодых чекистов: "Если мое имя и осталось в футболе, то обязан я этим не матери-природе, и не счастливым генам. Наверное, прежде всего тем, кто составлял среду, в которой я рос и воспитывался, кто учил меня работать и играть в футбол… Наверное, самому себе я тоже обязан, потому что, трудясь, не страшился измазать руки… Такие понятия, как "долг", "обязанность", "надо", "жертва личного ради общественного", вошли в нашу память и кровь давно, с детства — в годы войны каждый из нас впитал их в себя на всю жизнь".

Естественно, Яшина попросили рассказать об участии нашей футбольной сборной в 16-х Олимпийских Играх 1956 года в Австралии в Мельбурне, которые тогда еще были у всех свежи в памяти. По словам Яшина, в эту далекую страну они долго летели на самолете с посадкой в Ташкенте и в столице Бирмы. Прилетели заблаговременно, чтобы привыкнуть к необычному для них часовому поясу и провести тренировочные игры с местными командами. Яшин напомнил, что у нас тогда играли прекрасные ребята — Игорь Нетто, Никита Симонян, Эдуард Стрельцов, Валентин Иванов, Анатолий Ильин, Сергей Сальников, Борис Татушин и другие. В том году советская сборная по футболу завоевала свои первые олимпийские медали. И они были высшей пробы — золотые. Для советских футболистов был труден полуфинал, а особенно финал, и Яшину пришлось сильно попотеть, как когда-то ему советовал Хомич.

Тот полуфинал пришлось выигрывать у болгар, давних и трудных соперников. Яшин подчеркнул, что соперники заставили особенно поработать именно его, вратаря, подвергнув массированому обстрелу советские ворота, в частности, во втором тайме. Счет двух таймов оказался нулевой и для одних, и для других. В дополнительные тридцать минут на поле происходила настоящая мясорубка. Два наших футболиста были выведены из строя, в результате чего нагрузка на команду и, в первую очередь, на вратаря значительно возросла. Но Лев Иванович, по его словам, постарался не подвести команду, а Стрельцов и Татушин дважды поразили ворота болгар, тем самым обеспечив нашей сборной выход в финал.

Финал был не менее драматичен. Встречались с югославами. Стояла задача взять реванш за поражение в 1952 году. Эту задачу команда при напряжении всех сил успешно решила. Все ребята проявили мужество, упорство и натиск в достижении результата. По словам Льва Ивановича, на этот раз его ворота были надежно защищены. Его атаковали более десятка раз, но ему посчастливилось брать самые трудные мячи, посылаемые югославами с близких позиций. Отличился и Анатолий Ильин, забив красивый гол югославам. Счет 1:0. Победа! Золото!

Самоотверженная игра Льва Ивановича Яшина на Олимпиаде в Мельбурне была замечена в мире международного футбола. Он получил похвальное прозвище "Черный паук". Возвращались из Мельбурна уже не спеша. Пароходом добрались до Владивостока. А затем поездом проследовали в Москву по необъятным просторам Советского Союза.

После победы советских футболистов в Мельбурне о нашей команде заговорили всерьез. И не зря. В 1960 году она была

первой в борьбе за Кубок Европы, разгромив все тех же неугомонных югославов, и вошла в восьмерку лучших команд мира. Следует заметить, что и Кубок этот был первый. Лев Иванович рассказал нам, что его удачное участие в этих двух крупнейших футбольных мероприятиях, видимо, послужило основанием для приглашения его в 1963 году в Лондон на стадион "Уэмбли" на матч века, посвященный 100-летию английского футбола. Он сыграл целый тайм и не пропустил в свои ворота ни одного мяча!!!

Беседа-встреча слушателей и сотрудников школы КГБ со знаменитым футболистом закончилась взаимными напутствиями и теплыми пожеланиями. Некоторое время спустя мы с товарищем вышли из школы и направились в сторону Белорусского вокзала, чтобы ехать на метро в общежитие. Метрах в тридцати от выхода на тратуаре увидели небольшую группу слушателей, окруживших нашего гостя. Яшин возвышался над ними, шла беседа. Ребята не отпускали Яшина, задавали конкретные вопросы по футбольной тематике. Лев Иванович оживленно, терпеливо отвечал. Одной из его заключительных фраз была такая: "Я ведь здесь не впервые. Я некоторое время проходил срочную службу во взводе обеспечения Высшей школы. Мне здесь все знакомо. Приятно было посетить те родные места, где когда-то в молодости бывал".

Это нас всех удивило, поскольку во время встречи в большом зале он не говорил об этом. Сказал только в нашем узком кругу. Родные места! Родные пенаты! Возможно, в этом проявилась яшинская скромность? А в Высшей школе КГБ у нас действительно находился такой взвод, мы этих солдат постоянно видели, поскольку они охраняли здание, стояли на нескольких контрольно-пропускных постах, на которых стояли и мы, слушатели школы; помогали преподавателям по военной подготовке в тирах, на стрельбищах и при поездках на другие мероприятия по военной подготовке. Кстати, яшинский стадион "Динамо" по московским меркам находился совсем рядом с центральным зданием Высшей школы КГБ на Ленинградском проспекте, где мы учились, и где состоялась встреча с великим футболистом. Мы попрощались с Яшиным. Он сел в стоявшую около тротуара "Волгу" и уехал. До этого он рассказывал, что автомобили были подарены игрокам за успехи в футболе.

Как позже я выяснил в интернете, Яшин проходил срочную службу во внутренних войсках. Внутренние войска в январе 1947 года были переданы из МВД в Министерство государственной безопасности СССР, а в 1951 году были реорганизованы во внутреннюю охрану МГБ. Среди их задач была и задача по охране

особо важных объектов. Лев Иванович Яшин проходил службу как раз в конце 40-х — начале 50-х годов. В 1999 году в день 70-летия Льва Яшина командование войсками Московского округа внутренних войск МВД России решило установить на яшинском доме в Москве по ул. Миллионная, 15 мемориальную доску. Этим оно предотвратило предполагавшийся снос исторического дома.

Справка из Википедии:

Лев Иванович Яшин (22 октября 1929, Москва — 20 марта 1990, там же) — советский футбольный вратарь, выступавший за московское "Динамо" и сборную СССР, Олимпийский чемпион 1956 года и чемпион Европы 1960 года, 5-кратный чемпион СССР, заслуженный мастер спорта СССР (1957). Герой Социалистического Труда (1990). Полковник ВС СССР, член КПСС с 1958 года.

Лучший вратарь XX века по версиям ФИФА, МФФИИС, World Soccer, France Football, Guerin Sportivo, Planet Foot и Voetbal international. Первый и единственный вратарь в истории, получивший "Золотой мяч".

Последний матч Лев Иванович Яшин провел 27 мая 1971 года.

Глава 4
Владимир Коккинаки. Самолеты, безопасность, Сталин

"Если надо, Коккинаки
Долетит до Нагасаки
И покажет там Араки,
Где и как зимуют раки!"

(Из песни о легендарном летчике)

"Товарищ Сталин сказал нам:
"Слетайте за сутки на Дальний Восток".
Мы сели и слетали.
Дело сделано".

(Из выступления Коккинаки на торжествах, посвященных полету)

Интерес к авиации проявился у меня в самом раннем детстве. Отчетливо помню, как во время праздничных застолий на Новый год, 1 мая и 7 ноября по просьбе развеселившихся гостей мама ставила меня на табуретку, и я старательно и задорно пел «Потому, потому что мы пилоты, / Небо наш, небо наш родимый дом. / Первым делом, первым делом самолеты, / — Ну а девушки? — А девушки потом».

Судя по всему, мне было тогда года четыре, поскольку фильм "Небесный тихоход" о наших летчиках-фронтовиках был создан в 1945 году, и именно в то время веселые песни из этой кинокартины были очень популярны. Позже я зачитывался книгами о летчиках. А двенадцатилетним подростком умудрился один на велосипеде по дороге, уложенной булыжником, и по бездорожью осилить в течение светлого дня семидесятикилометровый путь до озера Кубенское и обратно. Сделал это ради того, чтобы только взглянуть на бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза летчика Александра Клубова, установленный в поселке, о чем я вычитал в книжке по краеведению. Затем сделал еще много шагов, чтобы связать жизнь с авиацией, но безрезультатно, хотя интерес к ней не иссяк до сих пор.

И вот на фоне таких моих привязанностей к авиации в один из дней 1974 года мой коллега по службе, фронтовик, очень авторитетный для меня опер КГБ, звали его Василий Александрович, с которым мы уже не один год работали в общем кабинете, сообщает, что накануне он познакомился с самим Владимиром Коккинаки!!! Назвал его чудесным мужиком, и даже в компании с ним и со своим знакомым пил портвейн! Конечно, я был в шоке от таких слов. Для меня Коккинаки был таким же кумиром, как Юрий Гагарин, Петр Нестеров, Сергей Уточкин, Валерий Чкалов, Михаил Громов, Валентина Гризодубова, Полина Осипенко, Алексей Маресьев, Михаил Водопьянов и другие известнейшие летчики-герои. И вот Василий Александрович, мой старший товарищ, как выясняется, запросто пил портвейн с великим асом советской авиации, которым уже многие годы восхищалась вся страна, весь мир!!!

Оказалось, что, действительно, все произошло обыденно и просто. Владимир Константинович Коккинаки обратился к сотрудникам одной из спасательных водных станций с просьбой предоставить на время лодку для рыбалки. Наш работник Василий Александрович был хорошим приятелем начальника станции, случайно зашел к нему и стал свидетелем возвращения Коккинаки с рыбалки с хорошим уловом. В разговоре упомянули,

что за такой улов не прочь выпить партейного. Летчик не понял, о каком вине идет речь. Ему разъяснили, что в народе так называют обыкновенный дешевый портвейн. Коккинаки выразил желание отведать партейного. Купили. Выпили. Величайшему асу советской авиации, избалованному дорогими винами на важных приемах, он понравился. Владимир Коккинаки был настоящий русский человек, скромен, прост в общении, доброжелателен.

При обсуждении обстоятельств знакомства моего коллеги с выдающимся летчиком у нас с ним сама собой возникла идея пригласить Коккинаки в отдел КГБ, чтобы он поделился с чекистами воспоминаниями о своей героической работе. Заполучив разрешение на это начальника отдела, Василий Александрович, опытный оперативник, сумел встретиться с Владимиром Константиновичем после очередной рыбалки и уговорить его на беседу с работниками отдела. Примечательно, что 70-летний летчик отказался от предложенной ему машины, чтобы доехать до отдела, сказал, что подойдет к парку отдыха, откуда Василий Александрович проведет его в отдел. Я подробно рассказываю об этих обстоятельствах с единственной целью — показать, что дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, Почетный Президент Международной Авиационной Федерации, обладатель 22 мировых рекордов в области воздухоплавания Владимир Константинович Коккинаки был нормальным приземленным советским человеком, не оторвавшимся от своих корней, скромным, простым в запросах, отзывчивым и уважительным.

К назначенному времени Василий Александрович засобирался пойти за Коккинаки. И тут мне пришла в голову счастливая мысль: есть шанс поговорить с одним из кумиров моего детства и юности. Поговорить по пути следования от парка до помещения отдела. Поговорить немного, но с каким человеком!!! Эти семь-десять драгоценных минут!!! Короче, я напросился. Василий Александрович поддержал идею и мы пошли вместе. Мы подошли к парку одновременно. Василий Александрович представил меня как молодого коллегу, который захотел увидеть великого летчика первым из оперработников. Коккинаки улыбнулся. Тепло обменялись рукопожатиями. Владимир Константинович сказал: — Молодец, Борис! Настойчивость — хорошее дело.

Коккинаки выглядел моложе своего возраста, хотя и был седой. Держался он уверенно, был подтянут, бодр, разговорчив, шутил. Одет в светлый опрятный костюм, в белой рубашке с галстуком. Чувствовалось, что к предстоящей встрече с сотрудниками КГБ он отнесся серьезно, ответственно. Своими

шутливыми словами Василий Александрович подтолкнул меня сразу включиться в разговор на нашем коротком, к сожалению, маршруте. Говорили, в основном, Коккинаки и я. Василий Александрович намеренно давал мне возможность высказаться побольше, но, конечно, тоже участвовал в разговоре.

Я сказал, что очень рад видеть Владимира Константиновича, знаменитого летчика, поскольку с детства одержим авиацией. Каждым летом ездил с родителями и братьями на аэродром на праздник Воздушного Флота, чтобы посмотреть за полетами спортивных самолетов. Строил модели самолетов в кружке авиамоделизма в Доме пионеров. В старших классах школы с двумя одноклассниками занимался в аэроклубе, где опытная летчица научила нас первым навыкам полета на простеньком планере, запускаемом в полет с помощью мотоциклетной лебедки. Каждый из нас совершил до десятка восхитительных полетов. Все мои взлеты и посадки были удачными. Но дальше дело не пошло. Из-за травмы несколько упало зрение. После школы пытался поступить в Московский авиационный институт им. Серго Орджоникидзе, не прошел по конкурсу. Год поработал слесарем на заводе, а потом предложили поучиться в Высшей школе КГБ (подробно об обстоятельствах поступления в школу КГБ мной изложено в Главе 2 Части 1). На это Коккинаки заинтересованно отреагировал, сказав, что тоже в юности мечтал стать летчиком, следил за достижениями Михаила Громова, но в отличие от меня ему пришлось рано начать трудиться на виноградниках, затем на рыбном промысле и грузчиком в морском порту города Новороссийска. Было не до авиации. Но подчеркнул, что будучи призванным в Красную Армию, сразу попытался перевестись в авиацию и к 23 годам добился направления в летную школу. Сначала в Ленинград, затем в Борисоглебск. Тут я ему заметил, что у меня оба брата, взяв с меня пример, тоже увлеклись авиацией. Младший, как и Коккинаки, закончил Борисоглебское высшее военное авиационное училище летчиков им. Чкалова и служит в ВВС, а старший — после окончания Кременчугского летного училища Гражданской авиации работает в Тюмени вертолетчиком, помогает геологам искать нефть. Коккинаки удивился тому, что у него со мной в юности было много общего, его братья тоже летчики.

Я не стал засыпать Владимира Константиновича вопросами, так как полагал, что он многое скажет на встрече в отделе, да и времени было мало. Учитывая, что он в своем происхождении имеет греческие корни, сообщил ему, что в Высшей школе КГБ наряду с изучением оперативного дела я занимался серьезно

познанием английского и греческого языков. Для Коккинаки это оказалось неожиданным, интересным: — Да ты и греческий знаешь? Ну, молодчина! — На это я добавил: — Как языковед я почувствовал в Вашем говоре что-то вологодское. — На это Коккинаки с гордостью сказал: — Да у меня же шеф, Сергей Владимирович Ильюшин, из Вологды, может быть, от этого. — Я признался, что пошутил, сказав о его говоре. Сам родом из тех мест, жил в Вологде и знаю о своем великом земляке и конструкторе знаменитых ИЛов, которые испытывал Коккинаки. Владимир Константинович в очередной раз сказал в мой адрес одобрительные слова, которые я запомнил на всю жизнь. Наш короткий маршрут, к моему сожалению, быстро закончился, мы вошли в помещение отдела КГБ. Нас встретил начальник отдела. Немного поговорив с гостем, начальник, Коккинаки, Василий Александрович и я прошли в Ленинскую комнату. Они направились к столу президиума, а я занял оставшееся место на стуле в последнем ряду.

Выдающийся летчик был встречен сотрудниками отдела, конечно, тепло. Сам он был раскован, энергичен и сразу начал разговор. Генерал-майор авиации Коккинаки Владимир Константинович сказал, что уважает и глубоко ценит работу офицеров органов государственной безопасности. Проходя службу в Красной Армии, работая в Научно-испытательном институте ВВС и в ОКБ Сергея Ильюшина, на авиазаводе, носящем имя чекиста В.Р.Менжинского, он видел работу сотрудников и НКВД, и КГБ, и убедился, что это в подавляющем большинстве были порядочные, образованные, ответственные люди. Он сравнил нашу работу со своей работой летчика-испытателя: — Вы обеспечиваете безопасность государства, общества, защищаете людей от различных угроз. Мы летчики-испытатели главной задачей тоже считаем обеспечение безопасности. Только в нашем случае — обеспечение безопасности полетов новой авиационной техники, как военного назначения, так и гражданской, создаваемой нашими авиаконструкторами, идущими в ногу с прогрессом в этой области деятельности. Важно это делать профессионально.

А то, что Владимир Константинович относился к своему делу высоко профессионально, свидетельствовал весь его последующий рассказ. Он пояснил, что был дотошен до самых мелочей, что касалось испытываемой им авиационной техники. Он во всем хотел убедиться сам, как если бы он и конструировал технику. Именно на это его положительное качество обратил внимание авиаконструктор Сергей Ильюшин и пригласил Коккинаки поработать с ним. Получился удивительный, в высшей

степени созидательный альянс бывшего новороссийского портового грузчика, матроса рыболовецкой артели, великолепного летчика-испытателя Владимира Константиновича Коккинаки и бывшего вологодского чернорабочего, землекопа, возчика молока, выдающегося авиаконструктора Сергея Владимировича Ильюшина. Он продолжался более тридцати лет!!! Их объединило общее дело, общие взгляды на жизнь, на справедливость.

О справедливости. Отойду немного от рассказа о нашей встрече с Владимиром Константиновичем. Вот что сообщается о нем в очерке (3.05.2014 г.), опубликованном на сайте "ПЛАНЕТА ВВС. Сайт о Военно-воздушных Силах СССР и России": "Вспоминает генерал-майор авиации Коккинаки: "Был я всегда крепкий… Иногда приходилось драться. Раз из плавания в Новороссийск вернулся мой брат Павел. В переулке на него напало 7 парней. Избили, отобрали мореходку. Он их крепко помял тоже, но выигрыш у них. Я в аккурат из летной школы домой приехал в отпуск. Смотрю, является Павло в крови. Так и так. Ага, идем со мной, покажешь, кто бил. Пошли. В слободке увидели меня, попрятались: "Коккинаки идет". Приходим к одному.

— Ты бил?

Молчит… Каждого я ударял только по одному разу. Шесть раз ударил — шесть человек лежало. А седьмой успел убежать. Такая жалость!"

Все сделано справедливо. А главное, по горячим следам, без промедления. Об этом случае он нам, оперативникам, не рассказывал, но подчеркивал, что в работе летчика-испытателя огромное значение имеет быстрая оценка негативной ситуации, принятие оптимального решения и незамедлительное его выполнение. А таких ситуаций у него было предостаточно, но он ни разу не покинул с парашютом врученный ему авиаконструктором самолет.

Как известно, олимпийский девиз включает три слова: "Citius, Altius, Fortius!", означающих в переводе "Быстрее, Выше, Сильнее!" Слово "Fortius" может быть переведено также как "Храбрее". Из эпизода с братом Павлом видно, что физической силой и храбростью Коккинаки явно обладал. Но он обладал и большой силой воли в достижении великих целей, таких как "Citius и Altius".

Коккинаки рассказал, что повышение скорости самолета всегда стояло на повестке дня, особенно для ВВС. Эту задачу он и Ильюшин в 1935–1936 годах решили успешно и уверенно. Был спроектирован и построен двухмоторный бомбардировщик

(ЦКБ-26. — С.Б.), который имел повышенную скорость, отличную маневренность и надежную управляемость. Именно на нем Владимир Константинович первым в СССР совершил "мертвую петлю" Нестерова. До этого такая фигура высшего пилотажа на двухмоторных самолетах не исполнялась. По словам Коккинаки, это вызвало серьезный интерес у Сталина. Для вождя и других советских руководителей был устроен на аэродроме специальный показ, где Коккинаки продемонстрировал высочайший пилотаж, в том числе совершил три "мертвых петли" подряд. С этого времени летчик-испытатель и авиаконструктор были всегда в поле зрения Сталина и пользовались его твердой поддержкой. Коккинаки отметил, что это был со стороны вождя не праздный интерес, а высочайшая забота о боеготовности нашей авиации.

Бомбардировщик ЦКБ-26 оказался не только быстрым (соответсвовал олимпийскому девизу Citius), но и обеспечил достижение рекордной высоты полета (девиз Altius). Рекорд оказался 11294 метра, по случаю чего Иосиф Виссарионович Сталин послал телеграмму: "Летчику-испытателю тов. В.Коккинаки. Поздравляю с достижением мирового рекорда высоты на двухмоторном самолете с коммерческим грузом в 500 килограммов. Крепко жму Вашу руку. И.Сталин". Телеграмма, естественно, была опубликована во всех советских газетах.

Доброе расположение к нему Сталина, по словам Коккинаки, подтолкнуло на активную подготовку к трансатлантическому перелету Москва-Северная Америка. Она стала главной его заботой. Но предварительно он совершил сверхдальний беспосадочный полет над территорией СССР по маршруту Москва-Приморский край (Спасск-Дальний). Полет состоялся летом 1938 года на самолете ЦКБ-30. Около 7 с половиной тысяч километров были преодолены за сутки. За этот полет, потребовавший от него, по признанию Коккинаки, огромного физического и психического напряжения, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Трансатлантический же перелет в Северную Америку был осуществлен на следующий год весной. Самолет находился в воздухе 23 часа, преодолено 8 тысяч километров. Нагрузки были огромные. Лететь пришлось высоко, до 9 тысяч метров. Самочувствие после полета Владимир Константинович определил коротко: "Выдохся!" На приеме в Кремле, посвященном успешному полету, Сталин спросил его: — Ну, как, все в порядке? — Ответ Коккинаки был такой: — Так точно, товарищ Сталин, все в порядке! — После этого Сталин предложил выпить за "все в порядке". Так что за Коккинаки и с Коккинаки пил вино в 1974 году не только мой коллега Василий Александрович, но

намного ранее в 1939 году и Иосиф Виссарионович Сталин. Действительно, Коккинаки уже был к этому моменту опять полон сил и планов на новые испытания, новые полеты.

Боевая техника, испытанная Коккинаки во второй половине 30-х наиболее созидательных для нашей страны годов, внесла огромный вклад в нашу Победу в Великой Отечественной войне. Выпущены были тысячи самолетов, которые громили врага, в том числе самолеты сверхдальней авиации, уничтожавшие фашистов в их логове — в Берлине. А штурмовик Ил-2, испытанный Коккинаки, немцы называли "черной смертью" или "летающим танком", который прокладывал советским войскам путь к наступлению.

Уместно здесь привести строчки из письма солдата Красной Армии Владимира, моего родного дяди, сражавшегося под Славянском (Украина), обращенного к своей маме: "5.06.43 г… Вчера подписывались на заем. Как и остальные, я подписался на 3 месяца, то есть на 150 руб. За май м-ц 50 руб. Внес наличными. Подписка на заем прошла с большим подъемом. Бойцы наземной Армии знают, как необходимы в бою с врагом танки и САМОЛЕТЫ (выделено мной. — С.Б.)… Один недавно мобилизованный молодой боец с нашего подразделения объявил, что он готов подписаться на целый год зарплаты, но уполномоченный по займу не согласился, несмотря на его патриотический подъем. Вот такие у нас бойцы. Все стремятся к победе над коварным врагом, как можно скорее изгнать его с нашей священной земли…" Враг был изгнан. Владимир Константинович Коккинаки за свой вклад в Победу, за испытание боевых самолетов в 1941–1945 годах был удостоен орденов Ленина, Красной Звезды, Красного Знамени, ордена Отечественной войны и медали "За отвагу".

Коккинаки общался с нами в тот памятный день далекого 1974 года более часа. Часть того, что он рассказал, конечно, стерлась из памяти, о многом вспоминаю, как если бы он это говорил вчера. Под конец беседы его попросили сфотографироваться с нашим коллективом. Он охотно согласился. Я храню эту фотографию как реликвию. Чтобы представить масштаб работы, проделанной Коккинаки и Ильюшиным во благо укрепления военной и экономической мощи советского Отечества, приведу, казалось бы, сухие факты. За время работы в ОКБ Коккинаки как летчик-испытатель дал жизнь штурмовикам Ил-2, Ил-10, бомбардировщикам ДБ-3, Ил-4, Ил-22, Ил-28, Ил-30, Ил-46, Ил-54, известным пассажирским самолетам, таким как Ил-12, Ил-14, Ил-18, Ил-62!!! Наш разговор с Коккинаки состоялся в 1974 году. А всего лишь десятью годами

ранее этот русский человек с крепкими греческими корнями, обладавший огромной силой воли, в возресте 60-ти лет (!!!) уверенно и надежно сидел за штурвалом могучего лайнера ИЛ-62, испытывая его на прочность в целях обеспечения безопасности будущих полетов. В 1957 году Коккинаки был награжден второй медалью "Золотая Звезда" Героя Советского Союза, в 1959 году ему присвоено звание Заслуженный летчик-испытатель СССР. А в 1965 году Коккинаки как первопроходец кратчайшего авиационного пути между Европой и Америкой по решению Международной авиатранспортной ассоциации награжден бриллиантовым ожерельем "Цепь пионера розы ветров".

Имена наших соотечественников Коккинаки и Ильюшина надежно вошли в историю Отечества. Трудовой подвиг их увековечен. Я побывал около бюста дважды Героя Советского Союза Владимира Константиновича Коккинаки, установленного в центре Новороссийска. Постоял и у бюста трижды Героя Социалистического Труда Сергея Владимировича Ильюшина в центре Вологды. Поклонился им. Да! Были люди в наше советское время!

Часть 3
Немного о работе моей и коллег. О Бене и ахмерове

Глава 1
Кгб — ЦРУ. Кто кого? Прощай, Москва! Привет, Америка!

Как отмечалось мной в одной из глав книги, я довольно быстро принял предложение кадровика поступить на учебу и службу в органы безопасности. Разговор был в мае 1960 года непосредственно после провокации в отношении нашей страны американских спецслужб с участием летчика-шпиона Гарри Пауэрса. Его разведывательный полет над территорией СССР лишний раз показал мне, что Запад реально и масштабно занимается шпионажем против моего Отечества. Захотелось лично поучаствовать в противодействии этому.

Два года спустя, уже во время моей учебы в ВШ КГБ, чекисты сорвали другую крупную акцию буржуазных разведок. Речь идет о разоблачении изменника Родины, полковника ГРУ Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Олега Пеньковского. Он в силу низких личных качеств, ограниченности интересов и корысти пошел на предательство и связался с ЦРУ США и МИ-5 Великобритании.

22 октября 1962 года Пеньковский был арестован, а 11 мая 1963 года военной коллегией Верховного суда СССР признан виновным в шпионаже и приговорен к расстрелу. Его связник с МИ-5 англичанин Гревилл Винн за шпионаж был лишен свободы на 8 лет, однако в апреле 1964 года обменен на известного

советского разведчика Конона Молодый, ("Бена"), отбывавшего в Королевской тюрьме Великобритании 20-летний срок тоже за шпионаж (в том же году он уже встречался со слушателями ВШ КГБ, о чем я подробно рассказал в отдельной главе, посвященной разведчику).

Разоблачению Пеньковского способствовала четкая система чекистских мер контроля за иностранцами, прибывавшими в СССР по различным каналам. И, конечно, большую роль сыграло высокое мастерство сотрудников КГБ всех уровней. Именно система взаимосвязанных мероприятий позволила выйти на след предателя. В последующем дело Пеньковского стало предметом изучения в Высшей школе КГБ в качестве примера правильной организации чекистской работы в среде иностранцев. К нам приходили с лекциями непосредственные участники этой операции.

Вскоре и мне в качестве молодого специалиста в ранге стажера из Москвы удалось участвовать в активных мероприятиях по выявлению, документированию и пресечению шпионских акций американских разведчиков, действовавших в нашей стране под "крышей" дипломатов. Оперативную практику в течение нескольких месяцев я проходил в одном из крупнейших транспортных и промышленных городов СССР. В наш город прибыла группа сотрудников посольства США и, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, не опасаясь оказаться за решеткой, действовала напористо, нагло, достаточно профессионально, собирая информацию по важным военным, транспортным и другим объектам. Эти солидные господа буквально лезли на заборы воинских частей. Не менее активно, но вежливо работали и мы, ювелирно осуществив многоходовую операцию, позволившую заполучить фотокопии их многочисленных собственноручных записей, зафиксировавших результаты визуальной разведки.

Вся работа местного органа КГБ находилась под контролем Центра. Узнав, что в наших руках находятся эти уникальные записи, Москва потребовала их скорейшего перевода. Но вот тут-то и возникли не меньшие трудности, чем в том, чтобы заполучить этот материал. Опытным специалистам, знатокам английского языка, такая задача оказалась не по зубам.

Сложность состояла в том, что записи были трудно читаемые. Почему? Потому что разведчики производили их скрытно по ходу перемещения по городу. Делали это, не вынимая рук из карманов, в которых спрятали небольшие специальные блокнотики и маленькие карандаши. Такой способ фиксации результатов своих наблюдений, видимо, они считали более безопасным, чем

фотографирование или запись на диктофон. Поэтому, естественно, письменные записи они исполнили корявыми буквами. Кроме того использовались сокращенные термины и Эзопов язык. К тому же, не все наши сотрудники, пытавшиеся осуществить перевод, были в курсе конкретных перемещений разведчиков, и не могли увязать их записи с реальными объектами.

Кто-то из старых оперов предложил попытаться сделать перевод новобранцу, то есть мне, не особо надеясь на результат. Тем не менее я сосредоточился, обложившись словарями, начав перевод сразу после ужина, в течение нескольких часов расшифровывал головоломки американцев. Поставил себя как оперативник на место иностранных "гостей", подключил интуицию, проявил смекалку и глубоко заполночь закончил расшифровку-перевод, выполнив его на сто процентов. Несомненно, успеху способствовало то, что в ВШ КГБ нам целый год английский язык преподавал опытнейший разведчик-нелегал, американист Исхак Абдулович Ахмеров, рассказу о котором посвящены две главы моей книги.

Содержание расшифрованных мною записей свидетельствовало, что за короткое время американские разведчики сумели собрать и записать в блокноты достаточно подробную информацию о местах дислокации и некоторых характеристиках стратегических и других важных объектов города. Записи показали также, что эти конкретные разведчики являются классными специалистами своего дела и их дальнейшее пребывание в СССР серьезно угрожает безопасности страны. Был сделан вывод, что их враждебные действия должны быть как можно скорее пресечены.

По решению Центра это и было сделано, однако уже во время нахождения иностранцев в другом городе, но с учетом и использованием ценнейших данных, задокументированных нами. Причем, полученные записи разведчиков и сделанный мной их перевод, явились основными документальными доказательствами их разведывательной деятельности. К тому времени я вернулся в Москву. В газете "Правда" опубликовали сообщение, что дипломаты изобличены компетентными органами СССР в незаконной деятельности, приведены фрагменты записей перевода. В связи с действиями, несовместимыми с их официальным статусом, эти лица названы персонами нон грата и выдворены из страны. Короче говоря, они вынуждены были сказать: Прощай, Москва! Привет, Америка! И вернуться в свою страну.

Прочитать такое сообщение в центральной газете для меня

было полной неожиданностью и вызвало большие положительные эмоции. К тому же начальник УКГБ объявил мне, простому стажеру, благодарность, сообщив об этом по "ВЧ" руководителю Высшей школы генерал-лейтенанту Евгению Питовранову, что стало хорошим стимулом для моей дальнейшей учебы и работы. О беседе Питовранова со мной по этому поводу было рассказано в главе, посвященной Евгению Петровичу.

Глава 2
С шампанским в отель "Бристоль"! В номер Утесова!

В оперативной работе сотрудника КГБ, как и в любой деятельности, бывают успехи, бывают и крупные ляпы, мешающие добиться нужного результата. Не все можно предвидеть. Расскажу о случае, чуть не обернувшемся для опера скандалом. Наш друг-иностранец по имени Константин прибыл по делам торговой фирмы в далекий от нас южный город СССР. Иногородние коллеги сообщили шифровкой, что он пробудет там несколько дней. Виктор, мой старший товарищ, попросил коллег к 14 часам следующего дня подготовить нам приличный номер на двоих в средненькой гостинице в центре города. В нем, в гостиничном номере, мы запланировали побеседовать с зарубежным другом.

Контакт с Константином был установлен Виктором еще за несколько лет до этого. Позже к контакту подключился и я, как опер, хорошо знающий родной язык иностранца. Дело в том, что Виктор и Константин общались между собой на английском, хотя оба знали язык слабовато. С моим приходом отдача от работы с загранисточником заметно выросла.

Самолетом мы добрались до южного города и в 14 часов уже находились в прекрасном номере, готовясь к предстоящему разговору. У нас накопилось очень много вопросов к иностранцу. Обстановка в его стране резко осложнилась, так как к власти пришли проамериканские силы. А Константин, будучи настроен просоветски, очень переживал за будущее своей страны и всегда

искренне радовался встречам с нами. На них он мог сполна выговориться. Поэтому наша встреча ожидалась быть интересной.

Вселившись в гостиничный номер и подготовив все для встречи, мы немного расслабились, время еще было. И тут неожиданно я услышал отчетливые голоса двух незнакомых мужчин. Причем создалось такое впечатление, что они находились прямо здесь, в нашем номере. Невозможно описать, какой шок это вызвало у меня. Взглянув на Виктора, я понял, что его состояние не лучше. Сразу же мы начали искать источник этих голосов. Поиск оказался недолгим. Отодвинув шкаф, мы обнаружили в стене дыру в соседний номер. Не сговариваясь, мы схватили наши шмотки, две бутылки шампанского, подготовленные для беседы, и уже разложенную закуску, и молнией вылетели в коридор. Нет необходимости говорить, что могло бы быть, если бы соседи зашли в свой номер позже, и уже они бы первые услышали наш разговор. Какой был бы позор!

В коридоре у дежурной по этажу мы выяснили, что гостиницу только что отремонтировали, перестроили ряд номеров, в том числе и наш. Мы оказались первыми клиентами номера после ремонта. Поэтому грубейший и возмутительный брак рабочих до этого дня никто не обнаружил. Пришлось покинуть гостиницу в поиске нового пристанища. Местный опер сильно расстроился из-за произошедшего казуса, но быстро организовал новый номер, правда, не в этом отеле и только на необходимое для встречи время.

В соседней шикарной гостинице, которая нынче носит красивое название "Бристоль", имелся люкс, забронированный для Народного артиста СССР, выдающегося джазмена Советского Союза Леонида Осиповича Утесова!!! Но любимец публики задерживался до следующего утра. Этот номер и был нам предложен. Мы, естественно, согласились на этот прекрасный вариант. Следует заметить, что несколькими годами ранее я жил в этом южном городе, жил три месяца именно в "Бристоле", но, конечно, не в люксе, а в скромненьком номере так называемого бельэтажа гостиницы. Но об этом подробнее расскажу в конце главы.

Когда Виктор и я вошли в предоставленный нам утесовский номер, то открыв от изумления по поводу увиденного свои рты, мы долго не могли их закрыть. Роскошь неописуемая! Низкий красивый столик и три изящных кресла. Как раз то, что нам надо. На полу шикарные ковры. Еще разные столики, несколько окон с дорогими портьерами, хрустальная люстра, торшеры, бра, канделябры и картины по стенам. Телевизор с большим экраном и телефон. Холодильник. Про спальное место и ванну помолчу.

После нашего средненького номера с дырой в стене этот люкс показался с другой планеты.

В оговоренное время Виктор подошел к обусловленному месту в центре города. Константин был уже там. Они опознали друг друга, и, не вступая в личный контакт, прошли в "Бристоль". Там поднялись по роскошной просторной мраморной лестнице на второй этаж, где и поздоровались и вместе зашли в номер Утесова. Надо было видеть Константина в этот момент! Он, как и мы ранее, был ошарашен богатым убранством. Не садясь в предложенное кресло, иностранец стал рассматривать находящуюся в комнате мебель, вещи и предметы, трогать их, как если бы это был музей.

На его недоуменный взгляд, мы, конечно, не стали рассказывать о предыдущих перепетиях с номером, просто Виктор объяснил ему, что мы хотели побеседовать с ним в более теплой обстановке. Воспользовались задержкой в Москве известного джазмена, для которого бронировался номер. Константин был польщен этим, поблагодарил за щедрость, и сказал, что, конечно, знает об Утесове, его джазе и прекрасных фильмах, в которых тот снимался.

В ходе дальнейшей двухчасовой дружеской беседы, так удивительно начавшейся и продолженной с "Советским шампанским", конфетами "Ассорти" и фруктами, от иностранца была получена очень полезная для нас информация, помогавшая решать задачи, стоявшие перед разведкой и контрразведкой КГБ. В заключение мы выразили Константину большую благодарность за сотрудничество. Он в свою очередь был признателен нам, так как понимал, что наши с ним контакты были выгодны для обеих близких по духу стран. В дальнейшем встречи были еще более содержательными и плодотворными, на что, возможно, не в последнюю очередь, повлияла история с утесовским номером.

Вот такие два сюрприза в один день преподнесли нам обычные оперативные будни сотрудников КГБ. И не удивительно. Ведь южным городом, где произошли эти события, была Одесса! Такое, видимо, могло случиться только в этом прекрасном городе. Городе юмора и розыгрышей!

А теперь расскажу о самом отеле "Бристоль". Он расположен в самом центре Одессы на одной из красивейших улиц — Пушкинской, по соседству со зданием Филармонии и в непосредственной близости от театра Оперы и балета, улицы Дерибасовской, Приморского бульвара, археологического и литературного музеев.

Это удивительная гостиница! Как уже отмечалось, я жил в ней несколькими годами ранее в течение трех месяцев. Исходил

ее вдоль и поперек. Видел разных клиентов ее, в том числе известных. Советское название у "Бристоля" было иным. Построена гостиница в 1898–1899 годах по проекту архитекторов Александра Бернардацци и Адольфа Минкуса. Название позаимствовано у одноименной гостиницы в Вене. В ходе реконструкции в начале 2000-х годов произошла трагедия — обрушились все четыре пролета центральной мраморной лестницы, один человек погиб. Это та самая лестница, которой восхищался Константин, идя за Виктором по ней сорока годами ранее. Лестница, по которой и я ежедневно поднимался в свой скромный номер в бельэтаже не один месяц.

Среди именитых гостей "Бристоля" были американский писатель Теодор Драйзер (автор романов "Американская трагедия", "Сестра Керри", "Дженни Герхард"), английский писатель Джеймс Олдридж (романы "Дело чести", "Дипломат", "Охотник"), французский писатель Анри Барбюс (романы "Огонь" и "Ясность", книги "Манифест интеллектуалов", "Россия", "Сталин"), немецкий писатель Вилли Бредель ("Экзамен", "Братья Витальеры", трилогия "Родные и знакомые").

В период моего проживания в гостинице среди постояльцев ее, с которыми мне приходилось немного общаться, был и известнейший советский футболист и хоккеист Всеволод Бобров, тренировавший в тот год местную футбольную команду "Черноморец". Видел я также и игроков киевской футбольной команды "Динамо", в том числе Валерия Лобановского, приезжавших на игру чемпионата. С ними довелось совместно смотреть на втором этаже (рядом с номером Утесова) телевизионные новости и телефильмы. То же самое и с Бобровым, но с ним много раз.

А на бельэтаже в соседнем от моего номера проживала в течение месяца в связи со съемками на местной студии знаменитая киноактриса Инна Макарова (исполнительница роли Любки Шевцовой в "Молодой гвардии"). Между прочим, в юности это была моя самая любимая актриса, я тогда буквально влюбился в нее. С Инной Владимировной я здоровался. Она постоянно по вечерам у дежурной по этажу говорила по телефону с Москвой, с ребенком, видимо, с дочкой. Муж тогда у нее был кинорежиссер Сергей Бондарчук. К сожалению, мы в гостиничном коридоре при встрече перебрасывались с ней только дежурными фразами о погоде и тому подобное. Заговорить на какие-то другие темы я стеснялся, а можно было бы. С дежурной она постоянно о чем-то беседовала.

"Бристоль" в отличие от многих других гостиниц, в которых я неоднократно проживал, запомнился мне на всю жизнь.

Уникальная достопримечательность Одессы!

Глава 3
Кина не будет! С поличным их все-таки взяли

В 60-х годах прошлого столетия в связи с расширением экономических и культурных контактов нашей страны с Западом в СССР расцвели такие негативные проявления, как контрабанда, незаконные валютные операции и фарцовка. Правоохранительным органам, в том числе КГБ, пришлось активизировать борьбу с ними. Некоторые конкретные ситуации использовались в более широких интересах органов безопасности. К профилактике преступлений подключались СМИ, телевидение, кино. Тогда же начал регулярно выходить киножурнал «Фитиль», который всячески высмеивал все негативное, что имело место в советском обществе.

Управлению КГБ одной из областей, куда я только что прибыл на работу, Центром было поручено взять с поличным контрабандиста-иностранца Роберта и его напарника по преступлению местного жителя Яшку. На них был накоплен весомый материал и оперативное дело могло быть уже реализовано с передачей следственным органам. Для фиксации процесса захвата преступников на кинопленку в город из Москвы

прибыла группа киношников. Ребята были не из "Фитиля!", но они свое дело знали хорошо.

На этот раз Роберт в тайнике транспортного средства завез в СССР большую партию малюсеньких, но дорогостоящих, золотых православных крестиков, имевших большой спрос в нашей стране. Яшка договорился заплатить за них крупную сумму рублями, которую иностранец намеревался сдать в обменный пункт своей страны с большим выигрышем для себя. Надо заметить, что в то время рубль был намного весомее и в СССР, и на черных рынках Запада, чем нынешние российские деньги.

У Яшки были помощники в деле, что позволило чекистам через некоторых из них получить подробнейшую информацию о всех деталях предстоящей сделки и тщательно подготовиться к его задержанию вместе с иностранцем. Меня привлекли к операции по двум причинам. Первая: я только накануне приехал в город, поэтому никто из контрабандистов и валютчиков меня не знал, что облегчало мне выполнять действия, требовавшие на начальной стадии строжайшей конспирации. К сожалению, другие участники были хорошо известны им. Вторая причина привлечения меня к мероприятиям: я знал язык страны Роберта, мог с ним общаться после захвата и решать необходимые вопросы, в том числе при благоприятных обстоятельствах в интересах контрразведки и разведки. Однако Яшка оказался чрезмерно осторожен и хитер. Мы даже не предполагали, насколько серьезно и четко он организовал свою собственную контрразведку. Но об этом позже.

Яшка назначил встречу Роберту в районном центре, который находился в 40 километрах от областного. Выбрали они выходной день, когда, по его мнению, правоохранители в основном "спали". Но мы не спали, а сели в автомобили и направились к месту операции. Киношники сделали это еще раньше. Пока ехали, водитель нашей машины обратил внимание, что за нами как-то неестественно всю дорогу следовал мотоцикл. Кроме того было то же впечатление в отношении одного из автомобилей. Но чекисты, приняв это к сведению, не посчитали, что здесь было что-то загадочное.

По приезде в райцентр первое время все проходило по нашему плану и по задумкам Яшки и Роберта (они оба тогда находились под нашим наблюдением), но почему-то на контакт с уличающими их предметами (крестиками и деньгами) не шли. Через некоторое время наш человек из окружения Яшки сообщил мне, что тот отказался от сделки, и причиной был как раз я. Это на меня подействовало, как душ очень-очень холодной воды. Обо всем я немедленно сообщил руководителю операции.

Операцию свернули. Некоторое время спустя наш источник рассказал руководителю операции следующее. Яшка намеревался провести аферу в крупных размерах впервые, поэтому предпринял чрезвычайные меры осторожности. Он поручил особо доверенным лицам понаблюдать за действиями оперов. За несколько часов до сделки он выставил поблизости от здания КГБ своего наиболее опытного товарища, который знал в лицо всех оперов Управления, работавших на участке борьбы с контрабандой. И когда мы садились в автомашины у входа в УКГБ, тот обратил внимание на меня, как на совершенно нового человека в компании чекистов. Яшка был очень мнителен и не мог терпеть неясностей. За нашей машиной следили его люди весь путь от УКГБ до райцентра, но затем меня потеряли. Поэтому Яшка поверил своей интуиции. что здесь что-то не то, и временно отказался от сделки.

Как говорится: Кина в этот день не получилось! Наши киношники расстроились, что и их работа сорвалась. А Яшка со своей самодеятельной контрразведкой оказался на высоте и вставил сотрудникам УКГБ большой-пребольшой "фитиль"!. То есть обыграл нас по всем статьям! Но, конечно, временно. Алчность, жажда обогатиться быстро и по-крупному была у него выше осторожности и мудрости.

Ровно через неделю он все-таки решился на сделку с Робертом. Наши опера учли ошибки, поменяли тактику и все прочее, и классно, эффектно с поличным задержали нарушителей советского закона. Яшка загремел в места не столь отдаленные на всю катушку. Его конфискованный в пользу государства шикарный автомобиль еще несколько недель, как вещественное доказательство неправедного обогащения, мозолил операм глаза во внутреннем дворике УКГБ.

И с Робертом мне поговорить довелось. Не раз и не два. Тщательная его проверка показала, что в отличие от Яшки он в контрабанде завяз не очень глубоко. Активно стремился загладить свою вину. К нашей стране, как и его соотечественники, был настроен весьма дружелюбно. Нашлось у меня с ним и общее понимание по неприятию политики США, проводимой в отношении Советского Союза и его собственной страны. Это побудило его рассказать довольно интересные сведения по военным объектам США, размещенным на его Родине. Отмечу, что наши отношения с ним никак не противоречили и не вредили его патриотическим чувствам. В последующие годы иностранец Роберт с желанием выполнял некоторые наши поручения, периодически по делам компании приезжал в Советский Союз и был источником актуальной для

органов КГБ информации.

Глава 4
Тайник в парке. От КГБ ничего не скроешь!

В первой главе книги я рассказал о моем друге-разведчике Владимире Энгере и его коллеге. О их задержании в 1978 году американским ФБР в районе тайника с секретными материалами. Их закордонный агент, возможно, к тому времени был перевербован американской спецслужбой и работал под контролем. Советские разведчики, заподозрив в тот день за собой слежку, отказались подойти к тайнику. И сделали это вовремя. Но нетерпеливые американцы не стали ждать другого раза. Владимира и его товарища схватили, сославшись на факт их нахождения в районе тайника. Тем самым сотрудники ФБР показали свою неспособность взять разведчиков с поличным. Естественно, они этим были огорчены. Их огорчение и ярость обернулась для офицеров нашей разведки суровым приговором — по 50 лет тюрьмы каждому. Но это происходило в Америке.

А сейчас я поведаю о другом случае, тоже связанном с тайником, имевшим место не за рубежом, а в нашем городе. К дежурному офицеру отдела КГБ обратился немолодой мужчина с сообщением, что он, рабочий "Горзеленхоза", работая в городском парке, обнаружил в кустах тайник, по его предположению,

шпионского назначения. Правда, тайник был пустой. Рабочий не стал его изымать из куста, а решил рассказать органам безопасности.

Дежурный одобрил его действия. А поскольку случай был чрезвычайный, он немедленно доложил об этом начальнику, после чего по указанию последнего один из оперработников вместе с заявителем срочно выехал на место. С соблюдением мер конспирации и предосторожности опер ознакомился с тайником, предупредив рабочего никому другому не рассказывать о находке, больше не подходить к тайнику, продолжая выполнять свои обязанности работника горзеленхоза в других частях парка.

Тайник был тщательным образом дополнительно изучен прибывшими из центра высококлассными техническими экспертами. Он представлял из себя сучок старого куста, достаточно толстый, в котором была искусно высверлена полость, способная вмещать как свернутые в трубочку несколько листов бумаги, так и любые другие подобных размеров предметы. Эта полость плотно затыкалась крышечкой, препятствующей доступу в нее влаги. Сучок ловко внедрялся в живой куст и не сильно отличался от других веток. Версий насчет тайника нами было выдвинуто несколько — от возможного использования как для шпионской связи, так и для иной криминальной цели.

Сильно настораживало то обстоятельство, что в непосредственной близости от этого парка находилась гостиница "Интурист", в которой постоянно проживали иностранные туристы из стран Запада. Нередко под видом туристов к нам приезжали лица, причастные к разведкам НАТО. Поэтому вся работа по имеющимся оперативным делам была активизирована на предмет изучения вопроса, не имеют ли проходящие по ним лица какое-либо отношение к тайнику.

Мы, конечно, не могли направить на срыв тайниковой операции одновременно 100 сотрудников, как это сделало ФБР в отношении Энгера в Америке, но тем не менее в тот же день место расположения тайника было взято под пристальный визуальный круглосуточный контроль наружкой КГБ, в том числе использовались приборы ночного видения. Кроме того были сформированы небольшие группы оперативников для участия в засаде. В группы были включены сотрудники со знанием европейских языков на случай возможного задержания иностранного агента.

В одной из таких групп и мне пришлось не один день просидеть в засаде. Уже в первые дни наблюдение показало, что мимо места с тайником ежедневно проходит большое количество иностранцев и советских граждан. Также около тайника на газоне

активно играли дети в присутствии родителей, бабушек и дедушек. Любой из взрослых мог довольно легко и незаметно изъять содержимое тайника или сам тайник, либо сделать закладку в нем. Поэтому любое приближение к месту тайника вызывало большое напряжение у чекистов. Нервы были на пределе. Но были и курьезы. Так, однажды ночью прямо на нас, засевших около высокого забора предприятия, граничившего с парком, сверху свалился мешок. Таким образом работник фабрики транспортировал сворованную продукцию. В этот раз вору повезло, боясь расшифровки операции, нам пришлось временно покинуть место засады, можно сказать мы срочно сбежали оттуда, пока он не забрал свой мешок. Вопросы ОБХСС, в этот момент, нас не интересовали.

Прошло несколько дней наблюдения, но конкретных результатов не было. В конце концов, руководство решило группы оперработников, сидевших в засаде, из парка вывести, одновременно усилив группу службы наружного наблюдения и оборудовав куст технической сигнализацией с выводом ее непосредственно на пульт оперативного дежурного отдела КГБ. Такие изменения в тактике себя оправдали. Где-то в начале последней декады месяца сработала сигнализация, которая заставила работников, находившихся на месте, присмотреться более внимательно к участку расположения тайника. Около куста был замечен мужчина, который спешно изъял сучок, вставил в тайник белый свернутый лист бумаги, закрыл его, водрузил тайник на старое место и быстро покинул парк. В этот момент поблизости никого не было. Дело происходило в вечерние сумерки. Освещение еще не включалось.

Незнакомца тут же взяли под наблюдение, довели до гостиницы, где проживали иностранцы. Но он зашел не в гостиницу, а в ресторан при ней. Как оказалось, это был музыкант ресторанного оркестра. По сигналу в парк немедленно прибыла усиленная группа оперработников, в которую был включен и я. Опять сели в засаду, ожидая уже появления получателя документа, заложенного в тайник "Музыкантом" (такой псевдоним получил мужчина). С документом пока не стали знакомиться, так как получатель мог прибыть в любой момент. Допускалось, что он уже давно там присутствовал и вел контрнаблюдение. Ждать пришлось до следующего дня.

Ровно в 12 часов около куста оказалась хрупкая женщина. Дамочка сорвала несколько зеленых листьев с ближайшего клена, потом наклонилась к кусту и ловко выдернула злополучный сучок и поместила его в свою большую и, похоже, тяжелую сумку. Затем так же, как "Музыкант" в предыдущий вечер, быстро

покинула парк, но вместе с тайником-сучком. Такой поворот событий для нас оказался неожиданным. Одета она была простенько. Явно не иностранка. Вскоре эта молодая женщина зашла в ближайшую среднюю школу.

Оперработник, курировавший органы образования, установил, что она преподавала учащимся ботанику. Видимо, листочки с клена понадобились ей для гербария, а, может быть, для маскировки своих действий у тайника. Так подумалось операм. К вечеру "Ботаничка", как ее стали называть для конспирации, пришла, как выяснила служба НН, к себе домой, все с той же тяжелой сумкой. Кроме беспокоившего нас сучка, сумка была нагружена многочисленными тетрадями школьников для проверки. Знаю это по личному опыту — жена моя тоже была учителем, постоянно приносила домой тетради учеников нескольких классов и проверяла их до позднего вечера. Адский труд! Нам стало совершенно ясно, что шпионажем в этой истории не пахнет, хотя мы так пока и не смогли прочитать содержимое тайника, то есть злополучный белый листок.

Но все же для полной ясности пришлось продолжить изучение "Музыканта" и прекрасной "Ботанички". Кстати, женщина была очень красивая! Оба по месту своей работы, один — в ресторане, другая — в школе, характеризовались ислючительно положительно. Не было к ним претензий и со стороны соседей по домам, где они жили. Оба уроженцы нашего города. Им было по 35 лет. Бывшие одноклассники. К секретам никакого отношения не имели. За рубеж не выезжали. В связях с иностранцами не замечены. У обоих очень крепкие семьи. Все это было выяснено из надежных источников в срочном порядке.

На следующий день, опять в полдень, "Ботаничка" по пути в школу подошла к кусту и снова ловко, как если бы это совершала уже бесчисленное число раз, вернула сучок на место. Потом проверили. Как и ожидалось, тайник был пуст, бумажка осталась у учительницы. На следующей неделе, во вторник, когда у нее в школе не было занятий, а так у нее всегда было по вторникам, она и "Музыкант" уединились в одном из номеров гостиницы, при этом на улице в контакт не вступали. Каждый зашел в номер самостоятельно. Уединение продолжалось около трех часов.

После дополнительной проверки, с "Музыкантом" встретился оперработник, который вежливо объяснил ему, что не стоило делать тайник в таком популярном общественном месте. И посоветовал использовать какой-либо более простой способ связи. "Музыкант", несколько смущенный, рассказал, что он и она очень дорожат своим семейным благополучием, рушить семьи никоим образом не желают, но увлечены друг другом. И вот таким путем,

не контактируя на глазах публики, организуют тайные встречи. Это их даже дополнительно забавляет. В кратких записках "Музыкант" всегда сообщал ей зашифрованные данные о месте и времени любовной встречи. Номер в гостинице он заказывал через друга, который работал в ее администрации, и которому он доверял все свои сокровенные тайны.

Следует заметить, что "Музыкант" очень любил читать детективы и находил в них полезную для себя информацию. Сбоя у него с подругой на то время, по его словам, не было. Каких-либо действий чекистов, пока они были под пристальным наблюдением, "Музыкант" не выявил. "Ботаничка" тоже считала себя неуязвимой, постоянно успокаивая любовника, когда тот проявлял по этому поводу беспокойство. Обо всем этом он признался в беседе. Здесь можно было бы поставить и точку, но, учитывая творческие задатки "Музыканта" и его близкое к иностранцам место работы, контакт с ним был продолжен в интересах безопасности страны.

Как видите, к сожалению для чекистов, громкого задержания "шпионов" с поличным на этот раз у сотрудников КГБ не получилось из-за отсутствия таковых. Дело, естественно, стояло на контроле в Центре и на него очень рассчитывали. Наиболее оптимистичные опера мечтали об орденах и досрочных воинских званиях, но все в одночасье развеялось, как легкий утренний туман. Может быть, это даже к лучшему. Зачем нам лишние шпионы?! Но, во всяком случае, эта история явилась хорошей проверкой способности отдела КГБ выполнять сложные задачи. Оценка Центра на этот счет была положительная. Посчитали, что сотрудники отдела КГБ сработали классно!

Глава 5
Эх, рано встает охрана! Хрущев, Буденный и другие

Согласно нормативному акту «Положение о КГБ» на органы государственной безопасности СССР возлагалось выполнение 10 конкретных задач — разведывательная деятельность в капиталистических странах, борьба со шпионажем, актами диверсий и террора и других. Под номером семь стояла ответственная задача — охрана руководителей Партии и Правительства. Об одном из эпизодов, связанных с участием в охране первого лица государства Никиты Хрущева я и расскажу в этой главе. Но сначала обращусь к воспоминаниям раннего детства. Интересоваться общественной жизнью страны я начал с самых ранних лет. Слышал от мамы, что страной нашей руководит Сталин. Живет он в далеком и большом городе Москве. Работает в Кремле. Сам Кремль для меня ограничивался только Спасской башней с большими часами, боем курантов и красной звездой. И никаких прилегающих стен. Я все размышлял, где же в башне то окошечко, из которого Сталин смотрит на улицу. И в голову всегда приходили стихи Сергея Михалкова, выученные в детском саду:

"Новый год! Над мирным краем
Бьют часы двенадцать раз.
Новый год в Кремле встречая,
Сталин думает о нас.

Он желает нам удачи
И здоровья в Новый год,
Чтоб сильнее и богаче
Становился наш народ".

В нашей квартире в Вологде была малюсенькая комнатка, которую называли почему-то кабинетом. Там был стол, два стула, телефон и пепельница на столе, маленькая этажерка с книгами. Среди авторов значились Пушкин, Лев Толстой, Некрасов, Тургенев, Пришвин, Бианки. Были книги о Древнем Риме, Древней Греции, Философский словарь, атласы. Кроме того начали поступать первые тома Всемирной истории. На средней полке расположились около 50 томов сочинений Ленина в красивой обложке и 10 томов сочинений Сталина. Не раз заглядывал в книги Ленина и Сталина. Пытался почитать о чём они пишут. У Ленина совсем ничего в том возрасте не понимал. Сталин же показался понятнее и доступнее. Но, естественно, чаще читал «Лесную газету» Виталия Бианки.

В кабинете на стене висела радио-тарелка, из которой Левитан своим уникальным голосом сообщал о достижениях и горестях советского народа, слышались песни Шаляпина, лилась музыка отечественных и зарубежных классиков. Рядом находились три фотографии-портрета: Ленин, читающий газету "Искра"; общий портрет по пояс Сталина с трубкой и Ворошилова с папиросой (поэтому долгое время я считал Ворошилова главным помощником Сталина); любимый всеми Буденный.

Кроме того на стенном крючке висело охотничье ружье в чехле, патронташ с патронами и ягдташ. Последний мне казался роднее школьного портфеля. Несколько раз меня, девяти-десятилетнего мальчишку, отец брал на охоту с ночевкой у костра в шалаше. Брал и зимой. Нас всегда сопровождала одна из собачек, русских гончих, Найда, Альма или Зорька.

Я знал, что из числа четырех лиц, изображенных на указанных фотографиях-репродукциях, дедушка Ленин уже умер. Но остальные, наряду со Сталиным, в моем понимании, и были теми людьми, которые руководили нашим народом, чтобы жизнь становилась более прекрасной и спокойной. Не вывесил бы мой папа их портреты на стенку, думал я, если бы было иначе. Когда я пошел в первый класс школы, которая носила имя Вячеслава Молотова, то я и Вячеслава Михайловича зачислил в этот свой список.

Молотов в 1909 году был сослан в Вологду за революционную

деятельность в период обучения в реальном училище Казани, не успев завершить учебу. По окончании двухлетней ссылки в Вологде он сдал экстерном экзамены уже в аналогичном Вологодском реальном училище. После Великой Октябрьской социалистической революции это училище стало называться школой номер 1, главной школой-десятилеткой Вологды. Тогда, в далеком детстве, у меня возникло страстное желание увидеть лично всех этих важных людей, которые внимательно смотрели на меня с фотографий кабинета, а также и Молотова, чей портрет находился в вестибюле школы. Лишь бы добраться до Москвы, а там увижу. Добрался таки и увидел.

Когда я вырос, то мир оказался довольно тесен, а представлявшаяся далекой Москва находилась совсем близко от Вологды. Ленина и Сталина я увидел в 1959 году в Мавзолее при посещении столицы. Сталин выглядел более ярким, значительным. Лежал в гробу, как живой, в зеленом френче Генералиссимуса, с густой шевелюрой и красивыми усами. Ленин — мрачный, лысый, черно-белый, очень бледный, выглядел старше Сталина, хотя на самом деле прожил на двадцать лет меньше.

Буденного и Ворошилова, этих славных советских полководцев легендарной Первой Конной, а также Молотова довелось увидеть позже и в полном здравии.

В начале июня 1961 года, нас, слушателей Высшей школы КГБ, направили на площадь около Киевского вокзала для помощи в обеспечении безопасности отъезда Никиты Сергеевича Хрущева в Вену для переговоров с недавно избранным президентом США Джоном Кеннеди. Хрущев отправлялся в столицу Австрии на спецпоезде. Провожали его с помпой, поскольку предстоящие переговоры имели огромное значение, так как отношения с Америкой тогда ухудшились из-за провокационного полета летчика-шпиона Пауэрса над территорией СССР, из-за попытки США свергнуть правительство Фиделя Кастро, а также из-за разногласий по вопросу подписания договора нашей страны с ГДР и по Западному Берлину.

Для проводов Хрущева на Киевский вокзал прибыли члены президиума ЦК КПСС и секретариата ЦК в полном составе, а также другие высокие лица. Площадь перед вокзалом частично была освобождена от излишнего транспорта и публики. На правый участок площади на автобусах прибыли организованные группы трудящихся. И вот в какой-то момент на площадь вкатил шикарный лимузин руководителя страны. Автомобиль был открытый, крыша убрана. В нем находились Хрущев и его супруга Нина Петровна, а также Алексей Аджубей с супругой Радой

(дочерью Хрущева). При подъезде к провожающим его трудящимся Никита встал. Встал и Аджубей. Оба приветствовали толпу, а она их. Процедура была выстроена в лучших традициях Голливуда. Затем Хрущев вышел из автомашины и с сопровождающими его лицами скрылся за одной из дверей вокзала.

Публика стала расходиться, а мы подошли к этой самой двери, зная, что вскоре оттуда выйдут другие руководители страны. Действительно, минут через десять оттуда повалил узнаваемый народ. Прошло с того времени пятьдесят пять лет, но в моей памяти накрепко засела картинка, как из дверей вышел Семен Михайлович Буденный в парадной шинели и фуражке, мощный, энергичный, с высоко поднятой головой, открытым взглядом и… роскошными усами. Я его таким только всегда и представлял. Шел уверенно и энергично. А ведь ему было почти восемьдесят лет!

Рядом с Буденным шел Климент Ефремович Ворошилов, в гражданской одежде, невысокий и стройный, скромный, не бросающийся в глаза, но тоже очень узнаваемый. Я видел Ворошилова и позже. Однажды после праздничного мероприятия он сошел с Мавзолея и прямо пошел в толпу народа, остававшегося на Красной площади, и, окруженный зеваками, проследовал к своей машине в сторону Исторического музея.

Из остальных руководителей, что покидали Киевский вокзал, запомнился только Михаил Андреевич Суслов, длительное время исполнявший роль идеолога Коммунистической партии Советского Союза. Мне он показался очень высоким, крупным, но сильно сухощавым. Ему тогда было 59 лет.

При виде Семена Буденного и Клима Ворошилова не мог не вспомниться известный "Марш Буденного" на слова Д'Актиля и музыку Братьев Покрасс со следующими словами:

"Буденный — наш братишка,
С нами весь народ.
Приказ: "Голов не вешать
И глядеть вперед!"

Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить
за СССР".

Ну а Вячеслава Михайловича Молотова, самого уважаемого наряду со Сталиным мною политического деятеля советской

эпохи, я увидел при следующих обстоятельствах. Мы с другом Сергеем посетили Музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, где на этот раз знакомились с лучшими образцами французских художников. Мы часто бывали в этом музее. Сергей — хороший знаток в области искусства и литературы. Выйдя из музея, мы повернули в сквер налево. Был воскресный день, слегка пасмурный, первая половина дня, людей на улице мало. Идем по дорожке сквера. Нам навстречу идут двое, мужчина и женщина. Идут медленно, явно пожилые. Приближаемся. Да это же Молотов! Вячеслав Михайлович! Для нас все это было неожиданно, но все-таки мы успели кивком головы и робкими словами сказать «Добрый день!». Молотов тоже кивнул нам. Я не знаю, кто была эта женщина. Видимо, жена — Полина Семеновна Жемчужная. Молотов вел ее под руку. Где-то через неделю наши ребята, восточники, прочитали заметку в одной из арабских газет, что иностранные корреспонденты видели в Москве Молотова и даже сумели заснять. Видимо, тогда он вернулся из Монголии и других заграничных мест, куда его сослал Хрущев, посчитав его организатором «антипартийной группы». А как известно, в эту группу входил почти весь президиум (позднее назвали — политбюро) ЦК КПСС, который не хотел дальше видеть Хрущева во главе страны.

Вот при таких обстоятельствах я увидел людей, портреты которых висели на стенке в домашнем кабинете моего отца в далекие сороковые годы… Их имена были присвоены городам, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, учебным заведениям, военным академиям. Буденный, Ворошилов, Молотов жили насыщенной событиями жизнью. Все они оказались долгожителями. Буденный прожил 90 лет, Ворошилов — почти 89, а Молотов — все 96 лет. Но нашлись "умники", изъявшие их имена из истории… Но, города-то были: Ленинград, Сталинград, Ворошиловград, Молотов. И никуда они не делись. Они живы. И, как говорится, ничто не забыто, никто не забыт! Нельзя было из XIX-го века сразу перейти в XXI-й.

Глава 6
20-летие Великой Победы! Папанин, Егоров, Кантария

Как я уже отмечал, сотрудники органов КГБ, занимаясь основной работой, нередко выполняли задачу по охране руководителей Партии и Правительства. Особенно часто рядовые сотрудники привлекались к этому в период торжественных общегосударственных мероприятий, например, по случаю 1 мая, 7 ноября и тому подобных. Там доводилось видеть и слышать выдающихся людей советской эпохи. Об этом и расскажу в данной главе.

Ребята начала 50-х годов много времени уделяли чтению. Телевидения еще не было. Радио, газеты и кино не могли полностью удовлетворить любопытство. Поэтому мы гурьбой, всем двором, ходили в ближайшую детскую библиотеку, брали книги домой, а чаще оставались на час-другой в читальном зале.

Поскольку я сильно интересовался авиацией, то чаще других читал книги о самолетах. Именно в читальном зале я познакомился с книжками полярного летчика Михаила Водопьянова. Он тогда числился в кумирах у ребят, так как участвовал в спасении челюскинцев, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза под номером 6. Позже он занялся писательской деятельностью, издав в 1953–1954 годах "Рассказы летчика", "На крыльях в Арктику" и "Полярный летчик".

Из прочитанного я и узнал об Иване Дмитриевиче Папанине и его коллегах по исторической экспедиции "Северный полюс-1", высветившей перед всем миром способности советской авиации, наших ученых и специалистов совершать дела, на которые ни одна страна не отваживалась прежде. 21 мая 1937 года самолет, ведомый командиром летного отряда по Арктике Михаилом Водопьяновым, совершил нелегкую посадку на одну из льдин в районе Северного полюса, доставив туда четверку отважных — Ивана Папанина (начальника СП-1), радиста Эрнста Кренкеля, гидролога Петра Ширшова и геофизика Евгения Федорова. Пятым членом экспедиции, продолжавшейся 274 героических дня, был пес Веселый, которого впоследствии полярники подарили Иосифу Виссарионовичу Сталину. Читал я воспоминания о проделанной работе в Арктике и самого Папанина "Жизнь на льдине", изданные значительно раньше, в 1938 году.

Какова же была моя радость 9 мая 1965 года своими глазами увидеть Ивана Дмитриевича Папанина в районе Красной площади в день празднования 20-летия Великой Победы советского народа над гитлеровской Германией!!! Группа моих товарищей по Высшей школе КГБ и я находились вблизи от Контрольного пункта около Исторического музея и соответствующей гостевой трибуны, помогая работникам Комитета в охранных мероприятиях.

Праздник уже должен был начаться, гости заполнили трибуну, войска были готовы к Праздничному параду. Вдруг один из оперработников сказал нам: Вот и Иван Дмитриевич идет! Со стороны Манежной площади и Александровского сада по опустевшему тротуару медленно поднимался человек, в котором опытный офицер узнал Папанина. Когда он подошел ближе, и я узнал его. В те годы по документальной хронике и книгам все, от детворы до стариков, знали о подвиге Папанина и папанинцев. Иван Дмитриевич подошел к нам, остановился и первым сказал: Здравствуйте, коллеги! Поздравляю Вас с праздником Великой Победы! Пожелал нам успехов в несении службы. Его также все поздравили, пожелали здоровья и счастья. 71-летний Дважды Герой Советского Союза был бодр, в хорошем настроении, попрощался с нами и пошел на трибуну.

Каких-то три минуты короткого общения! Но они запомнились мне на всю жизнь! Подвиг папанинцев открыл новую эру в освоении Арктики и Северного морского пути, так важного для экономики нашей страны. Он закрепил за Советским Союзом сферу суверинитета над Арктикой, особенно после того, когда над станцией "Северный полюс-1" 18 июня 1937 года, тоже впервые в мире, пролетел самолет Валерия Чкалова на пути беспосадочного полета из СССР через Северный полюс в Америку.

Тогда я не обратил особого внимания на обращение к нам Папанина, сказавшего: "Здравствуйте, коллеги!". Я посчитал, что это просто контр-адмирал так обратился к офицерам-чекистам и будущим офицерам. Но как стало мне известно значительно позже, Иван Дмитриевич Папанин действительно был ранее чекистом, работал комендантом Крымской ЧК и даже следователем.

Всем папанинцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Научные результаты, полученные Папаниным и его друзьями, были переданы в Академию наук СССР. Папанин и Кренкель получили степени докторов географических наук. Папанин является почетным гражданином городов Мурманска, Архангельска, Севастополя, Липецка, почетным крымчанином. Именем Папанина назван мыс на полуострове Таймыр, остров в заливе Сиваш (Азовское море), горы в Антарктиде, подводная гора на Тихом океане, улицы в Москве и многих городах нашей страны. Я очень признателен судьбе, что она предоставила мне случай видеть и приветствовать Великого гражданина нашего Отечества в день всеобщего торжества!

Из воспоминаний моего друга Вадима Ивановича Прохоркина, хорошо помнящего о тех годах, когда герои Страны Советов творили чудеса во второй половине 30-х годов: "Кто из

нашего поколения не знал Папанина? Не было таких. Вообще, тридцатые годы были насыщены героическими событиями: Челюскинцы и их спасение летчиками — первыми Героями Советского Союза. Папанинцы. Первый беспосадочный перелет Москва-США, совершенный Чкаловым, Байдуковым и Беляковым. Беспосадочный перелет Москва-Дальний Восток Гризодубовой, Расковой и Осипенко.

О всех этих героических событиях писали газеты, сообщало радио. И для нас, пацанов, эти героические подвиги имели большое воспитательное значение. Мы пофамильно знали всех героев, бредили ими и хотели быть на них похожими. Имена Папанина и его товарищей по экспедиции, так же как и других героев, были у всех на устах. Папанинцев встречала и славила вся страна. В газетах были напечатаны их портреты. На предприятиях проходили митинги.

Кстати, в феврале 1938 года была выпущена серия почтовых марок "Советская воздушная экспедиция по высадке дрейфующей станции "Северный полюс-1"". На двух марках был изображен маршрут экспедиции; на двух других — флаг СССР на Северном полюсе. А в июне 1938 года — серия марок "Снятие со льдины полярников станции "Северный полюс-1"". Еще на двух марках были изображены полярники, приветствующие экипажи ледокольных пароходов "Мурман" и "Таймыр". На двух других были изображены И.Д.Папанин, Э.Т.Кренкель, П.П.Ширшов и Е.К.Федоров на борту парохода. Обе серии этих марок имелись в моей филателистической коллекции".

Удалось мне в этот день — День 20-летия Великой Победы — посмотреть и сам парад. После того, как Папанин ушел на гостевую трибуну, и нам разрешили пойти туда. Мы встали с краю на свободное место. Парад на Красной площади 9 мая 1965 года принимал Маршал Советского Союза Родион Малиновский, а командовал парадом командующий войсками Московского военного округа Афанасий Белобородов. Прошли войска, прошли военные академии и училища, была продемонстрирована мощная современная техника. Тогда впервые показали огромные межконтинентальные баллистические ракеты, которые протащили на тягачах буквально в нескольких метрах от трибун. Потом выяснилось, что это были муляжи.

Но, конечно, главное впечатление у меня сохранилось от того, что удалось увидеть на том параде Михаила Егорова и Мелитона Кантарию. Это они, полковые разведчики 3-й ударной армии, получили в конце апреля 1945 года задание от командования водрузить красное знамя на куполе гитлеровского рейхстага в Берлине. Под постоянным обстрелом и риском

сорваться 22-летний сержант Егоров и 24-летний младший сержант Кантария 30 апреля где-то около 21 часа 30 минут смогли пробраться на крышу рейхстага, а затем с неимоверными усилиями достигли и самого верха купола и водрузили на нем знамя — символ Великой Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Это произошло уже 1 мая примерно в час ночи. Именно это Знамя Победы Михаил Егоров и Мелитон Кантария впервые пронесли через Красную площадь 20 лет спустя 9 мая 1965 года. И мы, слушатели Высшей школы КГБ, имели радость вместе с трудящимися Москвы присутствовать при этом историческом событии. Такое не забывается.

Глава 7
Бен — фронтовой разведчик и ас разведки КГБ

Он один сделал то, что и троим могло быть не под силу. Герой Великой Отечественной войны, герой невидимого фронта, он страстно любил Родину! Он желал мира на планете!

МОЛОДЫЙ Конон Трофимович. С первых дней Великой Отечественной войны находился в действующей армии, служил во фронтовой разведке, многократно направлялся за линию фронта в тыл противника с целью сбора информации и приобретения "языков". За проявленное при этом мужество и стойкость удостоился правительственных наград.

ЛОНСДЕЙЛ. Канадский бизнесмен, некоторое время в США учил китайский язык, в 1955 году перебрался в Лондон, чтобы продолжить освоение китайского на курсах при университете. Одновременно проявил незаурядную предприимчивость в бизнесе, был замечен королевой Великобритании Елизаветой Второй и награжден рыцарским титулом за особые заслуги перед ее страной. Электронный замок, изобретенный на одном из его предприятий, на международной выставке в Брюсселе в 1960 году получил Золотую медаль!

"БЕН". Он же советский разведчик-нелегал Конон Молодый. Он же и упомянутый выше бизнесмен Гордон Лонсдейл. В 1951 году Конон Трофимович был приглашен на службу в разведку МГБ-КГБ СССР и после соответствующей учебы и подготовки командирован в Великобританию через ряд стран с ответственным разведывательным заданием под именем канадского бизнесмена Лонсдейла. "Крыша" бизнесмена и коммерсанта позволяла "Бену" устанавливать контакты в интересующей советскую разведку среде, легко перемещаться по территории Англии и странам Европы, передавать добытую информацию в Центр.

Впервые я узнал о нем в начале 1961 года из зарубежных газет "Worker" и "Daily Worker", продававшихся в киоске Высшей школы КГБ. В них сообщалось, что некий бизнесмен Гордон Лонсдейл задержан в Англии за шпионаж в пользу Советского Союза и осужден на 25 лет тюремного заключения. По его делу были арестованы и осуждены к меньшим срокам еще четыре человека.

Как утверждала иностранная пресса, Лонсдейл на следствии и в суде держался очень мужественно и достойно, связи с советской страной не признал, никаких секретов не выдал. И осужден он был именно как Лонсдейл, за которого себя и выдавал. Настоящее его имя английские спецслужбы узнали лишь спустя некоторое время. Советская страна своих разведчиков не бросала. Через три года Конон Молодый был обменен, правда, как лицо, связанное с польскими спецслужбами. Его обменяли на задержанного в Москве нашими славными контрразведчиками агента английских спецслужб Винна, поддерживавшего преступный контакт с изменником Родины Пеньковским.

К большой радости слушателей Высшей школы КГБ, в конце 1964 года, месяцев через шесть-семь после освобождения из тюрьмы Ее Величества, Лонсдейл, он же "Бен", был приглашен в школу на встречу со студентами, в числе которых был и я со своими товарищами. Это для нас, конечно, стало сенсацией, зная то, что, например, Рудольф Абель так и не был к тому времени в стенах школы. Кстати, повторю — Молодый тогда нам был известен как "Бен" либо Лонсдейл, а не по настоящему имени. Первое время подлинное имя и факты биографии по соображениям конспирации для широкой общественности, включая и сотрудников КГБ, не раскрывались, чтобы затруднить иностранным спецслужбам поиск его следов по свету.

"Бен" появился на сцене из-за кулис актового зала школы вместе с нашим начальником генералом Питоврановым. Они вышли к столику в центре с правой стороны как раз напротив нас,

сидящих в первых рядах. Разведчик шел уверенной, но неторопливой походкой, несколько склонившись вперед. Он был одет в темный костюм, запомнилось его красивое с правильными чертами лицо, густые темные волосы, тщательно зачесанные назад, смотрел он в зал с легкой улыбкой приветствия. Этот момент, как стопкадр из фильма, навсегда зафиксировался в моей памяти. Многие другие детали позабылись. Зал тепло отреагировал на появление перед собой этого блистательного разведчика.

Конечно, "Бен" не мог и не имел права посвещать нас во все подробности своего пребывания в Англии, о чем сейчас, через 50 с лишним лет, можно легко ознакомиться в интернете. Он даже очень скупо давал информацию, казалось бы, безобидного содержания о самом себе. Нас, изучавших в школе КГБ английский язык, например, очень интересовало, как он сумел так хорошо знать его, чтобы выдавать себя за чистокровного канадца? Он объяснил это обычной своей склонностью к изучению иностранных языков. Сказал, что много занимался им в школе, институте, а также и самостоятельно.

Кроме английского, как он рассказал, много уделял времени немецкому, французскому и китайскому. Изучение китайского языка ему очень пригодилось как разведчику-нелегалу при составлении легенды о себе. Оно, изучение китайского, явилось хорошим обоснованием причины приезда в Великобританию из Канады. Сейчас-то хорошо известно, что английский он выучил в Америке, проведя школьные годы в США у родной тети, оказавшейся там еще в 1914 году, а китайский — в институте Внешней торговли в Москве. Советуя нам более трудолюбиво и творчески относиться к изучению иностранного языка, он вселил в нас дополнительный оптимизм на успех в этом деле, что положительно сказалось на нашей учебе. Спасибо ему за это.

Выступая перед слушателями ВШ КГБ, "Бен" понимал, что они хотели бы знать о тех вещах, которые могли им пригодиться в будущей своей работе. Поэтому он акцентировал внимание, например, на правильном выборе "крыши" своего пребывания за рубежом. Его "крыша" пришлого бизнесмена, прибывшего из Канады, позволила в первое время зашифровать от окружения источники своего первого капитала (а это были деньги, поступавшие из КГБ), не вызывать подозрений из-за незнания каких-то вещей по Англии, то есть не быть отягощенным в объяснениях о своем прошлом. Иностранец, и все тут. Пойди, проверь.

Хороший ход он сделал, устроившись на курсы по изучению китайского языка при Лондонском университете, которым

основательно занимался, будучи еще студентом в Союзе. Он выглядел поэтому среди других обучавшихся более способным человеком, к нему тянулись люди. Он мог выбрать из их числа объектов своего разведывательного интереса, а таковых там оказалось немало, в том числе имеющих выход на военную тематику, на военно-морские и военно-воздушные силы Великобритании, на спецслужбы, на финансовые круги. В разговоре с нами "Бен" отметил, что чекисту важно иметь общительный характер, силу воли, упорство в достижении цели, находчивость и, конечно, обладать достаточной эрудицией.

Чувствовалось, что перед встречей с нами, "Бен" беседовал с руководством школы и был в курсе нашей программы обучения. Отметил, что большое внимание у нас уделяется вопросам изучения международного права, страноведению в зависимости от изучаемого языка, культурному и физическому воспитанию. И это правильно! Конечно, работнику КГБ надо хорошо знать зарубежную страну своего пребывания, ее историю, режим, быт и нравы населения, его культуру, литературу. Действительно, нам, например, в ВШ КГБ опытный американист преподал подробнейший курс по США. Учителя английского языка с университетским образованием в течение нескольких лет знакомили с американской и английской литературой, мы читали многие произведения в оригинале. При этом курс литературоведения велся на английском языке. Был также специальный предмет по правильному чтению и переводу американских и английских газет. Все это "Бен" одобрил.

"Бен" рассказал и о своем задержании, судебном процессе по его делу. Поговорил и о времени, проведенном в Королевской тюрьме. Помнится, рассказывал он об этом более подробно, чем о других вещах. Чувствовалось, что с этим периодом его жизни в Англии связаны наибольшие его переживания. По словам "Бена", арестовали его непосредственно в момент получения секретных материалов от своих английских друзей. Обмен информацией и деньгами происходил по отработанному варианту, но на этот раз на них налетела, как оказалось, куча сотрудников английской контрразведки, устроивших на него и его партнеров засаду. Были арестованы еще два его помощника, что говорило, что за ним осуществлялась слежка не первый день. На квартирах всех задержанных были найдены дополнительные улики. Уже находясь в камере, он долго анализировал и не мог понять, где он лично совершил "прокол".

В ходе следствия, суда, да и в период нахождения в тюрьме официальные лица пытались его склонить к сотрудничеству, раскрыть свою деятельность, признаться к какой спецслужбе он

принадлежит, но во всех таких подходах англичане получали категорический отказ. У "Бена" сложилось мнение, что его легенда полностью себя оправдала. Поэтому на суде он практически уже молчал, приняв вину всю на себя, объяснив, что использовал остальных задержанных "втемную". Английскому суду так и не удалось доказать причастность "Бена" к советской разведке.

Находясь в заключении, он регулярно читал распространяемые в тюрьме газеты, прекрасно знал о той шумихе, которая развернулась в мире вокруг его дела. Но он не пал духом, во время тюремных прогулок знакомился с арестантами. Ему даже случилось поговорить с некоторыми участниками "ограбления века", когда они один за другим стали поступать в Королевскую тюрьму. Имеется в виду ограбление почтового вагона со 120 мешками английских денег 8 августа 1963 года на мосту Bridego Railway Bridge в графстве Букенгемшир. "Бен" был уверен, что Родина его не бросит и рано или поздно обменяет на какого-либо погоревшего иностранного коллегу. Так оно и случилось в 1964 году.

Провал для "Бена", конечно, произошел обидный. Тогда между социалистическими странами складывались очень дружественные отношения. Тесные связи были не только в области политики, экономики, культуры и спорта, но, естественно, и в области обеспечения общей безопасности от агрессивного Запада. Был определенный обмен информацией и по линии спецслужб об иностранцах, которые могут представить интерес для братских разведок и контрразведок.

Вот на этом, казалось бы, благородном деле, на сотрудничестве с братскими поляками, советская разведка в лице "Бена" и "погорела". В спецслужбе Польши нашелся высокопоставленный предатель, который сбежал в Америку и выложил американцам ставший ему известным факт о вербовочном интересе советской разведки к конкретному англичанину. Американцы поделились с англичанами сведениями о нем. Таким способом контрразведка ее Королевского Величества вышла на агента, сотрудничавшего с "Беном", а через него и на самого разведчика-нелегала. Меня, как чекиста, всегда удивляла такая доверчивость КГБ в сотрудничестве со спецслужбами соцстран.

Как бы там ни было, у "Бена" на связи находился именно такой источник бесценной информации для нашего Министерства обороны и военно-промышленного комплекса. По некоторым утверждениям, секреты, которые за несколько лет успел передать "Бену" этот англичанин, сэкономили СССР несколько миллиардов

долларов на разработку систем военной техники по линии военно-морского флота.

Бывший наш разведчик полковник Дождалев В.А., работавший в 1951–1961 годах в Лондоне бок о бок с "Беном", в одном из интервью рассказал о конкретных задачах, которые были поставлены перед Лонсдейлом:

"…Прежде всего получать информацию о крупнейшем подводном исследовательском центре ВМС Англии на военно-морской базе в Портленде. Там проектировались атомные подводные лодки, аппаратура опознания "свой-чужой", средства поиска и защиты, вооружение… В 1951 году на должность шифровальщика посольства Англии в Варшаве был назначен Гарри Хаутон. Вскоре он был завербован советской разведкой на материальной основе… Хаутон через несколько лет был переведен в Англию, где работал в кадровом аппарате центра ВМС в Портленде… Вскоре с помощью Хаутона к сбору секретных материалов была привлечена его знакомая Этель Джи. Она занималась светокопировальными работами и имела допуск ко всем секретным документам и чертежам. Это был чрезвычайно важный источник информации. Именно с ее помощью Лонсдейл получал самые важные материалы. Оценивая эту работу нелегальной резидентуры, можно сказать, что Советский Союз знал о подводном флоте Англии столько же, сколько Адмиралтейство Ее Величества. Иными словами — практически все".

Более образно результаты работы "Бена" в Англии охарактеризовал Вадим Кирпиченко, работавший заместителем начальника ПГУ КГБ СССР (внешняя разведка) в 1979–1991 годах: "Ценнейшая, секретнейшая информация из военных структур Англии составила семнадцать тысяч листов. После того, как состоялся процесс, в английской прессе один из ответственных военных чинов написал: "В Адмиралтействе не осталось ничего, этот господин все оттуда выгреб!""

Вот так: выгреб все!!! Поэтому не "Бен" провалился, как пытаются представить его деятельность за рубежом. Провалилась английская контрразведка с ее хваленными детективами. Вот такого советского разведчика мне и моим товарищам посчастливилось послушать в далеком 1964 году, поучиться у него оперативному искусству, мужеству и смелости, целеустемленности, благородной предприимчивости и находчивости. Он пытался нам донести смысл, который он видел в работе разведчика. Особено точно он обозначил его в одном из последних интервью: "Я не воровал английские секреты, а методами и средствами, которые оказались в моем распоряжении,

пытался бороться против военной угрозы моей стране".

Конон Трофимович Молодый прожил только 48 лет. Он умер 9 сентября 1970 года. За свои ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны и в годы службы в КГБ разведчик был награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, многочисленными медалями, содатским знаком "Отличный разведчик" периода Великой Отечественной войны, знаком "Почетный сотрудник органов государственной безопасности". Вечная память выдающемуся разведчику страны Советов!

Глава 8
Память! Навечно в бронзе застыл Ахмеров

«Особенно успешно в годы второй мировой войны в США действовал резидент нелегальной резидентуры И.А.Ахмеров».

(Из итоговых документов о работе советской внешней разведки в 1941–1945 годах)

Навечно в бронзе застыл Ахмеров
На Поле Алом, у пионеров…

Посетивший меня во время летнего отпуска в конце шестидесятых годов товарищ в разговоре о наших общих друзьях, о преподавателях Высшей школы КГБ, у которых мы учились, сообщил мне: «Ахмеров занимался в Америке делами не менее серьезными, чем Абель. Может быть, даже более важными. В недалеком будущем о нем напишут книги и снимут фильмы…» Он добавил, что Ахмеров и легендарный севетский разведчик Рудольф Абель живут в одном микрорайоне Москвы и, будучи

старыми друзьями, часто вместе гуляют по тихим улочкам района.

Но обращусь к первой информации об Ахмерове в прессе. В 1994 году в газете "Совершенно секретно" появилась статья А.Михайлова под сенсационным заголовком "Операция, которую приказали забыть. Нападение на Перл-Харбор было спланировано на Лубянке". Еще не начав читать, я обратил внимание на фотографию, помещенную в начале публикации, и замер: фото нашего скромнейшего и деликатнейшего учителя английского языка Исхака Абдуловича Ахмерова соседствовало на странице хорошо информированной газеты с рассказом об ужасной катастрофе времен Второй мировой войны на американской военно-морской базе Перл-Харбор!!! Такое сочетание было за гранью моего воображения…

Сразу вспомнились загадочные слова начальника факультета, произнесенные в далеком 1962 году, который охарактеризовал тогда нашего учителя емкой фразой: "Заслуженный и очень уважаемый в КГБ человек". Пришло на память и заявление моего товарища о том, что об Ахмерове напишут книги и сценарии к фильмам.

Действительно, за публикацией Михайлова об этом разведчике-нелегале, бесстрашно и очень плодотворно поработавшем в Соединенных Штатах Америки, последовали и другие. В их числе статья авторитетного писателя-фронтовика Владимира Карпова "Война могла закончиться в 1941 году. Сталину удалось предотвратить открытие второго фронта против СССР" (2001 г.) и очерк осведомленного историка Владимира Антонова "Из Соединенных Штатов с любовью" (2006 г.).

Вот что пишет об Исхаке Абдуловиче сотрудник Кабинета истории Службы внешней разведки Российской Федерации В.Антонов:

"Прибыв в США в 1935 году, Юнг (таким был оперативный псевдоним Ахмерова И.А.) в соответствии с данными ему в Центре инструкциями устроился на учебу в Колумбийский университет. Помимо легализации это было необходимо ему для совершенствования знаний английского языка: ведь в дальнейшем он должен был выдавать себя за стопроцентного американца…"

Здесь хотел бы сказать, что в этом университете, одном из престижнейших в США, в разное время учились четыре американских президента — Теодор Рузвельт, Франклин Рузвельт, Дуайт Эйзенхауэр и Барак Обама. Я как любитель английского языка, прослушав имеющиеся видеозаписи с их выступлениями, убедился, что культура американского варианта

речи Ахмерова, о которой я писал в первой части повествования о нашем учителе, была сродни культуре речи этих неординарных личностей. Это свидетельствует о его высокой образованности и таланте, что мы сразу заметили, когда он начал обучать нас на третьем курсе школы КГБ. Эти качества несомненно помогли ему в работе в роли разведчика-нелегала. Спустя три года после приезда в Америку, Ахмеров возглавил там нелегальную резидентуру НКВД СССР и, по оценке Центра, успешно руководил ее агентурным аппаратом, в частности, агентами Нордом и Аркадием, поставлявшими итересные и в немалом количестве секретные материалы о деятельности военных учреждений США.

"Однако, пожалуй, самым ценным источником политической информации, — по утверждению историка В.Антонова, — был агент Корд, занимавший видное положение в государственном департаменте США… Будучи антифашистом, он отдавал себе отчет, что Запад, в том числе США, пытается направить агрессию Гитлера против Советского Союза и что новая мировая война неизбежна. Он понимал, что Гитлер не удовлетворится захватом Европы и попытается вторгнуться в США. На встречах с Юнгом Корд неоднократно высказывал мнение, что только Советский Союз сможет сломить хребет гитлеровской военной машине. В этой связи он сознательно шел на углубление сотрудничества с советской разведкой.

ПОСТУПАВШАЯ ОТ КОРДА ИНФОРМАЦИЯ ВЫСОКО ОЦЕНИВАЛАСЬ НА ЛУБЯНКЕ И ДОКЛАДЫВАЛАСЬ ВЫСШЕМУ СОВЕТСКОМУ РУКОВОДСТВУ. ОНА ПОЗВОЛЯЛА КРЕМЛЮ БЫТЬ В КУРСЕ ПОЗИЦИИ США ПО МНОГИМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОБЛЕМАМ. В числе материалов, полученных от источника, были, в частности, проекты американских резолюций на международных конференциях, доклады послов США в Берлине, Лондоне, Париже и других европейских столицах".

После длительного, пятилетнего, пребывания на нелегальном положении в Соединенных Штатах Америки Исхак Абдулович вернулся в СССР, так как в конце 1939 года нарком внутренних дел Берия отозвал его в Москву, где Ахмеров находился до сентября 1941 года. Этот период, как оказалось, был наиболее важным в многогранной и плодотворной работе советского разведчика. Именно тогда наш скромный учитель Исхак Абдулович Ахмеров участвовал в санкционированной самим Сталиным уникальной и очень значимой, как подтвердилось в дальнейшем, для безопасности Советского Союза операции под условным наименованием "Снег". Задача ее состояла в следующем: используя естественно сложившиеся в зоне Тихого океана непримиримые противоречия между Соединенными

Штатами Америки и Японией, реально угрожавшей нам на восточной границе, через наши оперативные возможности, в частности с помощью агентуры и доверенных лиц Ахмерова, ускорить неизбежное столкновение названных хищников и тем самым надежно обезопасить советский Дальний Восток от открытия там Японией второго фронта против СССР.

Приведу некоторые фрагменты из упомянутой выше статьи Героя Советского Союза писателя Владимира Васильевича Карпова, фронтового разведчика, автора книг "Не мечом единым", "Судьба разведчика", "Генералиссимус", "Полководец" и многих других. Карпов неоднократно беседовал со вторым участником операции "Снег" генералом КГБ в отставке Павловым Виталием Григорьевичем и наиболее полно и четко рассказал о роли Ахмерова в указанной операции:

"В одном из кабинетов на Лубянке опытный разведчик Исхак Абдулович Ахмеров, не один год проработавший в США, и молодой чекист Виталий Павлов еще в октябре 1940 года начали разработку операции по нейтрализации Японии с помощью Америки. У Ахмерова остались за рубежом ценные агенты и просто знакомые, через которых можно было бы осуществить намеченное… Вот такого близкого к министру финансов США Моргентау и президенту Рузвельту человека вычислили Ахмеров и Павлов. Это был Гарри Декстер Вайт. Ахмеров с ним встречался в Вашингтоне. Вайт не был его агентом, но они оказались единомышленниками по вопросам политики США на Востоке и особенно в непримиримой требовательности к Японии. Этими немаловажными предпосылками и решили воспользоваться наши разведчики…

По каким-то соображениям Берия не доверял Ахмерову, и потому было принято решение направить в США Павлова. Он тщательно и довольно долго готовился к поездке. По мере приближения войны с Германией нарастала угроза начала боевых действий и со стороны Японии. Вот тут-то Сталин и дал указание действовать более решительно… Операцию "Снег" Павлов осуществил в полном объеме. Он прибыл сначала в Нью-Йорк, затем в Вашингтон. Встретился с Вайтом, провел с ним от имени Ахмерова сложный разговор. И, понимая ответственность поручения Сталина и Берии, чтобы не забыть какую-то деталь, дал Вайту перечень вопросов ("конспект"), написанный заранее на листе бумаги…"

Далее события развивались благоприятным для нашей страны образом в соответствии с точным и обоснованным прогнозом опытного разведчика и блестящего аналитика в области разведки Исхака Абдуловича Ахмерова и его молодого

коллеги Виталия Павлова:

"В октябре 1941 года немцы подошли к Москве. Как и предполагалось, Вайт "сработал" по той схеме, которую предвидели Ахмеров и Павлов. Он подготовил проект меморандума. Его подписал министр Моргентау, затем представил Рузвельту… Ультиматум был вручен послу Номуре. В документе излагались очень жесткие требования: вывести войска из Китая, Вьетнама, Северной Кореи, Маньчжурии; выйти из Тройственного пакта Берлин-Рим-Токио… В общем, в ультиматум вошли все вопросы из "конспекта"… Японцы поняли, что война неизбежна, и первыми 7 декабря 1941 года нанесли удар по Перл-Харбору — главной морской базе США на Тихом океане…"

Американцам не оставалось ничего, как вступить в войну со своим соперником в этой зоне океана. Таким образом, важнейшая по значимости и сложная по исполнению задача, поставленная руководителем нашей страны Сталиным перед советской внешней разведкой, была своевременно и успешно решена.

А Исхак Абдулович Ахмеров тем временем еще в сентябре 1941 года вместе с женой Еленой Ивановной вернулся в Соединенные Штаты Америки для продолжения своей многотрудной и опасной работы, продолжавшейся весь период Великой Отечественной войны. Вот что пишет об этих нелегких годах его уникальной деятельности в США историк В.Антонов:

"В итоговых документах о работе советской внешней разведки в 1941–1945 годах, преданных недавно гласности СВР России, подчеркивается: "ОСОБЕННО УСПЕШНО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В США ДЕЙСТВОВАЛ РЕЗИДЕНТ НЕЛЕГАЛЬНОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ И.А.АХМЕРОВ". Редко кому из разведчиков того периода удавалось заслужить такую высокую оценку…"

Исхак Абдулович (Юнг) обосновался в городе Балтиморе, который находился поблизости от столицы Соединенных Штатов Америки Вашингтона, где жили почти все его агенты и другие источники. Они занимали видное положение в службах Белого дома, государственного департамента, в Управлении стратегических служб (УСС, политическая разведка), ФБР, Министерстве финансов, в ряде других учреждений.

"Два-три раза в месяц Юнг выезжал в Вашингтон для встречи с источниками. Его жена Таня (псевдоним) также посещала столицу, чтобы получать разведывательные данные. Информация разведчиков-нелегалов имела исключительную ценность: наладить поступление важных разведывательных сведений непосредственно из Германии и оккупированных ею стран Европы Центру не удалось. В связи с этим в годы войны основные данные

стратегического характера поступали в Москву от легальных и нелегальных резедентур в США и Англии…"

Кандидат исторических наук Иосиф Тельман в своей статье в еженедельнике "Секрет" привел уточняющие данные о содержании сведений, поступавших от Исхака Абдуловича. По утверждению этого историка, Ахмеров присылал в Центр добытую им информацию о военных планах Гитлера, об экономическом положении и стратегических ресурсах фашистского блока, о деятельности нацистских спецслужб, включая имена немецких шпионов, которые стали известны американской разведке. И, конечно, всестороннюю информацию по самой Америке, где он жил в то время.

Вернусь к публикации В.Антонова: "Юнгу удалось расширить возможности резидентуры за счет привлечения к сотрудничеству лиц из Министерства зарубежной экономики, департамента юстиции. Один из его источников добывал информацию по атомной проблематике (проект "Манхэттен"). Только за 1943–1945 годы от резидентуры Юнга было получено 2500 пленок с информационными материалами на более чем 75 тыс. машинописных листах…"

За высококвалифицированную разведывательную работу в нелегальных условиях Ахмеров и его жена были отмечены государственными наградами: Исхак Абдулович — орденами "Знак Почета" и Красного Знамени, Елена Ивановна — орденом Красной Звезды.

Исхак Абдулович Ахмеров еще долгие годы работал в управлении нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР. Был заместителем начальника этого важнейшего подразделения Комитета госбезопасности. Много раз выезжал в спецкомандировки для восстановления связи с агентурой и оказания помощи своим коллегам, действовавшим за рубежом. Участвовал в других мероприятиях, в частности, как отмечалось в начале статьи, он перед выездом Абеля в США посвятил его во все тонкости работы в Америке и "ввел в курс" законсервированного им осенью 1945 года оперативного "задела" будущей работы. Между прочим, за активную работу по "Манхэттенскому проекту" (атомная проблематика) Ахмеров и Абель были удостоены ордена Красного Знамени. Для Ахмерова это был второй орден с таким названием.

Из публикаций Михайлова, Карпова, Антонова, Тельмана и других мне стало понятно, что наш добрый и талантливый Исхак Абдулович Ахмеров — выдающийся разведчик. В предвоенные и военные годы он сыграл исключительную роль в обеспечении высшего советского руководства, лично Иосифа Виссарионовича

Сталина, информацией стратегического характера. Уникален вклад Ахмерова и его коллеги по работе Павлова в операцию "Снег", в результате проведения которой были сохранены жизни сотен тысяч соотечественников и созданы дополнительные благоприятные условия для разгрома гитлеровской Германии в Великой Отечественной войне.

И такой заслуженный разведчик, орденоносец, почетный сотрудник органов госбезопасности, стоявший в одном ряду с легендами советской разведки Зорге и Абелем, в пожилом возрасте продолжал скромно работать в системе КГБ, но уже в качестве простого преподавателя английского языка Высшей школы КГБ СССР.

По законам разведки он не имел права говорить нам, студентам, о своей прошлой героической работе. Тем более он не мог публично рассказать об этом 9 мая 1963 года на торжествах в Высшей школе, о чем я написал в первой части моего повествования ("Учил нас наставник Абеля Исхак Ахмеров"), когда он, такой сдержанный и волевой человек, вдруг горько заплакал в конце своего праздничного выступления.

Не были ли те неожиданные слезы слабым утешением, малой компенсацией для старого разведчика за суровую необходимость молчать о своих выдающихся подвигах, совершенных во имя Великой Победы?

К сожалению, звездная слава не коснулась Исхака Абдуловича при жизни. Но сейчас об этом удивительном человеке известно многим любознательным гражданам нашей страны. В городе Троицке Челябинской области, где родился Исхак Абдулович Ахмеров, на здании техникума, на месте которого раньше был его дом, установлена мемориальная доска. А 16 апреля 2015 года к юбилею 70-летия Великой Победы, в которую Ахмеров внес огромный вклад, в центре Челябинска на Алом Поле — плащади у Дворца пионеров и школьников имени Н.К.Крупской, ему воздвигнут величественный бронзовый памятник, искусно выполненный Народным художником России, Президентом Союза художников России, скульптором Андреем Ковальчуком.

Я несказанно рад этому грандиозному историческому событию в жизни уральцев, бережно хранящих память о своих героях. Монумент представляет собой могучую фигуру Ахмерова во весь рост, размещенную на невысоком постаменте, в плаще с поясом, в шляпе. В правой руке у бойца невидимого фронта не оружие, а всего лишь свернутая в рулон американская газета, кисть левой руки помещена в карман. На постаменте на века, именно на века, высечены всего пять слов: "Ахмерову Исхаку

Абдуловичу от благодарных земляков". Видел фото памятника. Впечатляет. Как раз таким знали мои товарищи и я Исхака Абдуловича, когда он давал нам уроки английского, точнее, американского варианта этого языка.

Интересно и примечательно было выступление Председателя Совета ветеранов СВР РФ Михаила Погудина на торжествах, посвященных открытию монумента:

"Имя Исхака Ахмерова вписано золотыми буквами в историю внешней разведки. Разведчик во многом остается безвестным всю свою карьеру. Это значит — разведчик успешный. Открытие этого памятника, я думаю, это память не только Ахмерову, но и тысячам разведчиков нашей страны, которые работали и продолжают работать ради мира на нашей планете".

Следует заметить, что памятник Ахмерову открыт только спустя 60 лет (!!!) после завершения его активной деятельности в органах безопасности СССР и почти 40 лет после его смерти. Что и подтверждает слова генерал-лейтенанта Погудина — успешный разведчик долгие годы остается безвестным. Рад, что в невидимый фронт по обеспечению безопасности нашей Родины вложена и частичка моего труда, приобретены надежные источники достоверной информации из числа иностранцев, сорваны некоторые враждебные акции зарубежных спецслужб. Именно об этом я мечтал в 1960 году, поступая на учебу в Высшую школу и в дальнешем работая в КГБ. По результатам работы удостоен медалей и Почетной грамоты Председателя КГБ СССР. Безмерно рад, что встречался в те годы с прекрасными людьми, о которых рассказал в этой книге.

Заключение
Вечная память героям!

Завершая книгу «КГБ, КАКИМ Я ЗНАЛ ЕГО ИЗНУТРИ. НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ», хочу сказать, что старался писать искренне и объективно. Если читатель посчитает, что не зря потратил время на чтение воспоминаний, то буду этому рад. Герои моей книги, которых мне довелось видеть — это герои славного советского времени. Сейчас по причине преклонного возраста у меня появляется много новых трудностей. В таких случаях я мысленно обращаюсь за советом к этим дорогим мне людям, и всегда, как мне видится, получаю от них необходимую поддержку. Огромное им спасибо! Вечная им память!

Борис Смирнов.

КГБ СССР